

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

МАРА

Э П О Х А
БЕРЛИНЪ ★ МСМХХІІ

Отпечатано въ
типографіи
Зинабургъ и Ко
въ іюль 1922
Б е р л и н ъ.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

МАРА

КНИГА РАЗСКАЗОВЪ

Э П О Х А
БЕРЛИНЪ ★ МСМХХІІ

Посвящаю
С. П. Ремизовой-Довелло

вѣ дни народной страды, терпѣнія, надежды и отчаянія, когда Россія, колыбель наша, истерзанная злымъ безсчастьемъ, родина наша, лихомъ пришибленная, изъ вѣка вѣковъ помыкавшимъ народною волей — душою русской, поднявшеюся духомъ до огненныхъ вольныхъ костровъ, затаилась въ ожиданіи послѣдняго суда, а въ кузницахъ, гдѣ подковывали лошадей, изъ вилъ и сохъ ужъ куетъ вольница пики —

вѣ дни тайныхъ, еще не открывшихся рѣшеній надъ жизнью и смертію народовъ, когда денно и ночью ангелы Божіи несутъ послѣднія молитвы на единое небо къ единому Богу со всѣхъ концовъ расколотой, раскопанной земли —

вѣ дни вѣры и жертвъ, неволи и страха, кощунствъ и отъявленной подлости — послѣ дневныхъ заботъ и мелочей житейскихъ, надувательства всякаго и обмана, ожиданій напрасныхъ, гнѣва и горечи, вдругъ вижу звѣзды —

я еще не видалъ такихъ звѣздъ и такъ никогда не любилъ!

и въ тихій полунощный часъ, когда въ сосѣднихъ домахъ погасятъ огни, я тихонько подхожу къ окну и смотрю — —

а онѣ горятъ, любимыя, близкія, вѣрные звѣзды.

ЧАЙНИЧЕКЪ

На Бассейной дворникъ купалъ собаку.

Дворникъ выкатилъ со двора пожарную кишку на тротуаръ, привинтилъ кишку, открылъ кранъ и пустилъ поливать камни. Тутъ подвернулась собака — брызнуло въ собаку — другая бы убѣжала, а эта хапнула ртомъ и стала. Дворникъ еще надбавилъ. А она опять ловить: должно быть, здорово пропарилась, бѣдняга, и пить очень хотѣлось.

Камнямъ тоже попить хотѣлось...

Дворникъ купалъ собаку.

Прохожіе щерились, облизывались, вытирали потъ, — одобряли собаку: наставить дворникъ кишку да холоднымъ какъ пустить, а она — хапъ! — знай себѣ, ловить.

Распаренные и очумѣлые, высовывались изъ трамваевъ, кивали и подмигивали собакѣ. И было очень весело, глядя на собаку.

Павель Герасимович Воробушкинъ, проходя по Бассейной, засталъ не мало всякихъ любопытныхъ.

Собака тѣмъ временемъ насытилась и не прочь была убѣжать куда на солнышко. Да, конечно! — пора было отпустить собаку и приняться за мостовую — за камни, которымъ тоже попить хотѣлось.

Но ужъ ее, голубушку, держали!

Дворникъ купалъ собаку.

Дворникъ сердился — собака рвалась: вотъ вырвется и, пронятая до кости, всѣхъ перекусаетъ.

Никто не понималъ, да и мудрено было понять, какъ это такъ возможно въ такую жару и отъ холодной воды отбиваться, и всѣ были на сторонѣ дворника, лютѣвшаго на собаку.

Воробушкинъ, по душѣ жалостливый, хоть и пожалѣлъ собаку, — ну, что бы такое было, если бы такъ съ человѣкомъ мудровали! — но своя неутоленная жажда и духота мостовая такъ и его одолѣвали, что не могъ онъ, и жалѣя, не сочувствовать дворнику — доля промокшей до кости собаки была завиднѣе и его доли, и доли дворника, явившагося не отъ чего, какъ отъ этой жары невозможной.

А ужъ дворникъ расплевался съ собакой — чортъ съ ней, съ собакой! — перемѣнилъ руку,

да какъ пустить въ прохожихъ, только носомъ зашмыргали.

Съ тѣмъ Воробушкинъ и пошелъ къ себѣ на Дегтярную чай пить.

Павель Герасимовичъ Воробушкинъ человѣкъ одинокій и служба его маленькая и самъ онъ такой, что такому и въ добровольцы откажутъ.

Служба Воробушкина маленькая и по нынѣшнимъ временамъ жизнь трудная: сами знаете, розанчикъ вчерашній къ утреннему чаю себѣ положишь на конфорку, а онъ и проваливается, — такъ все съ каждымъ днемъ уменьшается! Служба маленькая — мѣсто незначительное, а связи не малыя — большіе заправилы и все пріятели Павла Герасимовича!

Какъ сказать, свинѣтъ что ли человѣкъ, коли посчастливится ему, или по природѣ своей такъ ужъ человѣкъ и родится со свинячьей склонностью, проявляющейся въ жизни человѣка при благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Вѣдь, какіе пріятели: и душа нараспашку и совѣтъ твой выслушаетъ, а то, что вчерашній вотъ розанчикъ разогрѣвать на конфоркѣ приходится, этго какъ-то никто не замѣчаетъ, или и замѣчаютъ, да толку-то отъ замѣчаній нѣтъ; и на

службѣ Воробушкинѣ который годъ все на одномъ и томъ же мѣстѣ: понижать не понижаютъ, но и повышенія не полагается.

Съ начала войны, — какъ взяли Воробушкина сосѣда и пріятеля — прапорщика Прокопова, и квартирная хозяйка зубная докторша Савль, гнавшая всю жизнь прокоповскую лампадку, затеплила ее въ углу, неугасимую — война поглотила все его существо: на службѣ и дома, въ комнатенкѣ своей на Дегтярной, онъ только и держалъ въ памяти то страшное человѣческое, не по человѣческому заваренное дѣло, къ которому ни человѣку, ни звѣрю невысказанно привыкнуть.

Приходило время отпуска, а Павелъ Герасимовичъ и думать боялся объ отъѣздѣ, какъ будто съ Дегтярной онъ только и можетъ слѣдить за событіями, поутру передвигая разноцвѣтные флажки по стѣнной источенной картѣ, и не сегодня-завтра выпадетъ ему на долю защищать самое Дегтярную.

Но какъ тамъ, на Бассейной, пожалѣвъ собаку, надъ которой мудровали ошалѣлые отъ жары прохожіе съ дворникомъ во главѣ, позавидовалъ онъ ей, до кости пронятой, такъ и тутъ, въ комнатенкѣ своей подкрышной, прокуренной, не представляя себѣ другой жизни, кромѣ своей зимней съ газетами утренними и вечерними, онъ завидовалъ всѣмъ, отъѣзжавшимъ на волю, хотя бы въ Озерки.

Слышалъ онъ: никогда такъ не цвѣли поля, какъ въ этотъ, помутнѣлый отъ крови и горя, жестокий, роковой годъ, а на Москвѣ такой чу-

десный липовый цвѣтъ, вся Москва цвѣтетъ, — всполошились пчелы подмосковныя, не зная, куда и летѣть, и въ Кремлѣ на Ивана Великаго рой сѣлъ.

Кто живаль по нуждѣ лѣто въ Петербургѣ, тотъ хорошо знаетъ, что за удовольствія вечерами нетемными въ полуопустѣлыхъ каменныхъ домахъ. Окна раскрыты и на весь дворъ граммофонъ и съ сосѣдняго двора граммофонъ и какъ-то такъ безъ всякой отдышки, а тутъ еще какой любитель на скрипкѣ упражняется, либо пѣвецъ поетъ, и тоже, ну, хоть бы разокъ передохнулъ. А утихнеть граммофонъ, оборвется скрипачъ, уймется пѣвецъ, другое пойдетъ ужъ обязательно, — такъ изъ вечера въ вечеръ и куда за полночь! — ужъ кого-то щекочуть — должно быть, что щекочуть! — и тотъ оретъ, а чуть свѣтъ — молоткомъ по желѣзу, и звенить день-деньской на пост-ройкахъ.

Въ ту ночь особенно было шумливо.

Въ большую квартиру съ забѣленными окнами съ вечера набрался народъ: съ дачи ли сами хозяева пріѣхали, либо пріятелей своихъ пустили переночевать — окна, конечно, настезь, и видно, не простой пріѣздъ, добра всякаго спиртного столъ уставлень. Спервоначала-то все шло ничего, пили и кричали ура, потомъ на рояли играли, хорошо играли, а ужъ потомъ — совсѣмъ нехорошо! — хоромъ пѣть принялись и, вѣдь, какъ пѣли, — такъ и нарочно не сговоришься, такъ врозь.

Воробушкинъ пробоваль заснуть, и такъ приладится и этакъ, но только что заведетъ глаза и вдругъ, словно надъ ухомъ, какъ харкнетъ...

Вставаль Павелъ Герасимовичъ, закуриваль папироску, заглядываль въ окно: и ночь, а теплынь, что днемъ, и тамъ въ третьемъ этажѣ, внизу среди пирующихъ какой-то огромный одинъ волосатый легкости ради обнажился и, неловко продвигаясь среди дамъ, показываль пальцемъ — дамы визжали.

Былъ у Воробушкина пріятель — Щелинъ Михаилъ Петровичъ, вмѣстѣ учились, замѣчательный человекъ...

Впрочемъ, можетъ, это не правда, а только такая шла замѣчательная молва, будто какъ-то лѣтомъ за ужиномъ на сонъ грядущій Щелинъ въ варенцѣ жука проглотилъ, и, сами понимаете, жука имѣя во чревѣ, былъ будто бы по этой самой причинѣ, какъ жукъ, жудливъ вечерами и особенно къ теплой погодѣ.

Объ этомъ-то пріятелѣ, о Щелинѣ жудливомъ, въ душевой тоскѣ своей вдругъ вспомнилъ Павелъ Герасимовичъ, вспомнилъ полученное отъ него письмо, и уцѣпился, какъ за свое единственное спасеніе.

И въ бессонный подутренній часъ рѣшилъ про себя: воспользоваться отпускомъ, бросить Дегтярную да въ Качаны къ Щелину.

„Вотъ ужъ мѣсяцъ, какъ мы здѣсь, и такъ хорошо, что и въ войну перестали вѣрить...“

Выговаривалось письмо щелинское, заманивая въ Качаны, гдѣ никогда еще такъ не цвѣли поля, какъ въ этомъ году.

И, рѣшившись ѣхать, Воробушкинъ повѣрилъ пріятелю и не только въ цвѣтъ полевой, но и въ безмятежіе качановскаго житія.

„Нашелся-таки уголокъ, — думалъ Павелъ Герасимовичъ, — есть мѣсто и среди пожара нашего, гдѣ про войну забыли!“

А потомъ спохватился:

„Да не шутить ли Михайль-то Петровичъ? Да и въ самомъ дѣлѣ, есть-ли на русской землѣ хоть одинъ человекъ, который о войнѣ не помнитъ, и есть-ли такое мѣсто на землѣ, гдѣ о войнѣ не слышно, развѣ что на кладбищѣ?“

И, отчаявшись въ снѣ, подъ звонъ желѣза, досадовалъ:

„Ишь, куда заманиваетъ!“

Но скоро и передосадовалъ.

Щелинъ, кромѣ того, что жундѣлъ, то-есть былъ невообразимо говорливъ, Щелинъ еще и чудилъ.

Вѣдь это онъ построилъ у себя, въ качановскомъ саду, капканъ въ родѣ такой калитки вертящейся — какъ попадешь, а попадешь непременно, потому что ужъ очень у заманчиваго мѣста въ уединеніи воздвигнута была эта самая калитка, и ужъ сколько ни бейся, а безъ посторонней помощи, а стало быть, и огласки, ни по чемъ не выскочишь!

Конечно, чудакъ, и обижаться, досадовать — просто грѣшно.

И, передосадовавъ, на краткій часъ забылся Павелъ Герасимовичъ.

И снилось ему —

— — сидитъ онъ съ Щелиными въ Качаныхъ — съ Михаиломъ Петровичемъ и Марьей Сергѣевной и ѣдятъ раковъ: у него двѣ раковыя шейки въ рукахъ, а Щелины рачьи ножки сосутъ; и отдавъ онъ свои раковыя шейки по шейкѣ каждому — одну Михаилу Петровичу другую Марьѣ Сергѣевнѣ, и остался у него рыбій хвостъ, и вдругъ пришла прачка и принесла узелъ съ грязнымъ бѣльемъ обратно.

Съ тѣмъ и проснулся.

На слѣдующій день Воробушкинъ, за день окончательно рѣшившись покинуть свою Дегтярную, взялъ билетъ и сталъ понемногу укладываться.

Еще черезъ день далъ телеграмму въ Качаны.

А въ субботу вечеромъ, Господи благослови, пустился въ путь.

Неужто-жъ черезъ какія сутки—и это правда!— попадетъ онъ въ такое мѣсто, на такую землю

земли русской, — гдѣ такъ хорошо, что и въ войну перестали вѣрить?

II

Раннимъ утромъ Воробушкинъ проснулся.

Поѣздъ стоялъ, ревѣли быки.

Осторожно спустившись съ верха, гдѣ безъ подушки — по военному времени подушекъ не полагалось! — проспалъ мирно трясучую ночь, вышелъ онъ на площадку, закурилъ и ему самому захотѣлось помычать —

Утро было такое свѣжее, такое ясное и какія-то птички пѣли, а онъ только и умѣлъ, что птичку представлять да мычать.

Конечно, быки мычали, быки ревѣли не отъ удовольствія, не этому утру свѣжему и ясному, — чуяли быки свою скорую смертушку, а помирать кому же хочется, и вотъ вопіяли, обреченные, наперекоръ ясному утру: одинъ быкъ начиналъ, а въ его ревъ врывались другіе.

И, когда застучалъ тяжелый бычій поѣздъ и всѣ быки заревѣли разомъ, пошелъ и человѣческій поѣздъ, а долго еще слышался ревъ, словно ура кричали.

Тутъ солнце поднялось надъ лѣскомъ такое яркое, въ глазахъ зарябило, и Воробушкинъ вер-

нулся въ вагонъ и съ бокового порожняго мѣста, чуть приотворивъ занавѣску — сосѣди еще мирно почивали, — глядѣлъ черезъ запыленное окно на пролетавшіе поля и лѣсъ, и рѣки, и рѣчки, на просторъ нашъ русскій родимой земли, которую охватилъ пожаръ наперекоръ полевымъ цвѣтамъ, полямъ цвѣтушимъ, какъ никогда еще.

На скучной пересадкѣ, гдѣ приходилось поджидать не одинъ часъ, Воробушкинъ, напившись чаю, слонялся по платформѣ отъ вокзальной кухни — по случаю воскреснаго дня повара что-то вкусное стряпали — и дальше мимо телеграфа съ засматривающими изъ окна телеграфистками, до тесовой, выкрашенной въ желтое, лавочки для воинскихъ чиновъ, гдѣ надъ розовыми пряниками висѣла колбаса и стояли бутылки съ квасомъ.

У жандармской комнаты прямо на запыленной затоптанной травѣ лежала молодая баба съ груднымъ ребенкомъ.

Тутъ же и чайничекъ стоялъ.

Говорили, что солдатка —

проводила мужа, очень убивалась и теперь домой поѣдетъ.

На другой сторонѣ путей изъ церковки степенно выходили мѣстныя барышни погулять по платформѣ.

Въ церковкѣ звонили къ Достойно.

А по путямъ взадъ и впередъ ходилъ закопченный паровозъ съ чернымъ закопченнымъ машинистомъ; потомъ этотъ черный паровозъ пошелъ ходко —

увели его за водокачку къ мосту; отзвонили въ церкви.

Къ станціи подошелъ товарный поѣздъ.

Три середнихъ вагона раскрыли, и какъ-то сразу, наваломъ, перелѣзая черезъ перегородку, а другіе подлѣзая, высыпали молодые парни — послѣдній наборъ, налегкѣ, больше босикомъ въ пестрыхъ рубахахъ, и, перепрыгивая черезъ рельсы, бросились кто къ лавочкѣ, гдѣ надъ розовыми пряниками висѣла колбаса, кто за кипяткомъ на станцію.

Воробушкинъ стоялъ со старухами, болѣзными, глазѣя на ребятъ.

Воробушкинъ вглядывался, сравнивая себя, и ему показалось, что были и такіе ему подѣ стать рядомъ съ крѣпышами и рослыми.

Какой-то въ зеленой рубахѣ, пожалуй, всѣхъ крѣпче, игралъ на гармонѣ и такъ игралъ — заливался, не подымая глазъ съ ладовъ. И въ вагонѣ, за перегородкой въ кучкѣ оставшихся въ вагонѣ, игралъ какой-то. И не въ ладъ играли двѣ гармоньи, но такъ, задержись поѣздъ на сутки, и такъ же бы играли.

— У, бѣдные! — прошамкала старуха.

Какой-то коричневый, вывернувшись изъ толпы, заложа руку за голову, вытоптывалъ тяжелымъ сапогомъ около гармоньи и топалъ, и такъ без-

поворотню, топать ему такъ, пока тотъ зеленый не выронить гармоньи.

— У, бѣдные! — качала головой старуха.

Звонка для товарнаго поѣзда не полагалось, безъ звонка по чьей-то окличкѣ бросились парни назадъ въ вагоны, и зеленый гармонистъ, оборвавъ игру, перескочилъ черезъ рельсы, но ужъ безъ гармоньи, — гармонью кто-то отнял у него по дорогѣ. И теперь въ вагонахъ другіе играли, было много гармоній, играли безъ ладу, но такъ, какъ на платформѣ зеленый.

Старуха безсловесно качала головою.

А когда пошелъ поѣздъ, изъ закрытыхъ вагоновъ, загнушая гармонью, закричали ура.

Воробушкинъ снялъ шляпу и было жалко ему чего-то — гармониста, у котораго отняли гармонью, или того, что вытоптывалъ сапогомъ у гармоньи —

Съ горькимъ чувствомъ смутнымъ о Россіи, о родинѣ нашей, о родимой землѣ, согнувшись, пошелъ онъ по старой дорожкѣ слоняться отъ кухни до лавочки и обратно.

Изъ кухни чѣмъ-то очень вкусно пахло, повара стряпали, старались для воскресенья.

„Капуста любить сметану, а масла не спрашиваетъ!“

Въ тесовой лавочкѣ, выкрашенной въ желтое, надъ розовыми пряниками висѣла колбаса — „по установленнымъ цѣнамъ!“

Женщина съ ребенкомъ лежала на затоптанной травѣ у жандармской комнаты, какъ лежала. Тутъ же и чайничекъ стоялъ.

„Проводила, сердешная, мужа!“

Приходилъ часъ обѣда, а поѣздъ опаздывалъ. Истощалось терпѣніе.

И когда, наконецъ, нагруженный дальними пассажирами, подошелъ къ станціи поѣздъ, и Воробушкинъ, не совсѣмъ-то благополучно протиснувшись, занялъ себѣ мѣстечко, стоялъ жаркій лѣтній день и въ вагонахъ, какъ у плиты, пыhalo.

Послѣ провѣрки билетовъ, не желая стѣснять сосѣдей, Воробушкинъ перешелъ на площадку.

На площадкѣ рядушкомъ тянулась къ окну такая востренькая съ двумя короткими косками и красной ленточкой Анюшка Богданова.

Съ Анюшкой Воробушкинъ живо подружился, и всю остальную дорогу до самого вечера занимала она его своими разсказами.

Анюшкѣ двѣнадцать годковъ, перешла она нынче весной въ пятый классъ, умница. А ѣдетъ

она отъ отца съ войны, отецъ ея кондукторъ, въ командировкѣ. А ѣздила она отца провѣдать, возила ему говядины, да напрасно: у нихъ теперь тамъ этого всего вдоволь! Анюшка самая старшая и за ней еще пятеро, и на рукахъ ея хлопотъ куда полдома! — и матери она помогаетъ, и младшихъ братишковъ нянчить, и за коровой ходить. А встаетъ Анюшка поутру вмѣстѣ съ солнышкомъ, и оттого личико у нея такое загорѣлое и такая у ней во всемъ озабоченность. А ѣдетъ теперь Анюшка въ Москву къ дѣдушкѣ, тоже на желѣзной дорогѣ служить и дѣдушка — живетъ дѣдушка въ Сокольникахъ — и хоть впервой Анюшкѣ на Москвѣ быть, да такая не потеряется — до Сухаревки съ вокзала на восьмомъ номерѣ доѣдетъ, а тамъ спросить, добьется, — сметливая, ловкая дѣвочка. А къ отцу она въ третій разъ на войну ѣздитъ.

Слушая путницу свою щебетунью-умницу, думалъ Воробушкинъ о Россіи, о новой —

„Вотъ она, Россія хозяйственная и заботливая, эта Анюшка Богданова — Россія хозяйка! Съ годами подвырастетъ, выравняется, всѣмъ обзаведется, хорошо поведетъ свой домъ и такъ не отдастъ добро, расчетливая, и къ себѣ, въ свой домъ, не пуститъ хозяйничать, вотъ она, Россія, молодая еще, Россія хозяйственная, — такую не проведешь, надъ такой не напымаешься, хоть чѣмъ хочешь будь, хоть самимъ папой римскимъ,

дай только, дай подрастетъ, Россія крѣпкая, непришибленная, умница, Анюшка Богданова!“

На войнѣ Анюшка много чего видѣла и о многомъ слышала, да ни въ какіе страхи она не вѣрить и никакихъ слуховъ не боится.

Только боится Анюшка удушливыхъ тумановъ —
— Аеропланъ, — рассказывала Анюшка, — туманы пускаетъ: поднимется высоко-высоко и пустить, и оттого на пятнадцать верстъ народъ мретъ.

Анюшка въ школѣ повязки шила, намордники, батюшка заставлялъ, она знаетъ про удушливые газы и плѣнныхъ она знаетъ: у нихъ душъ двѣсти живетъ, и хорошо живутъ — на работахъ.

— Идутъ съ обѣда, — рассказывала Анюшка, — пѣсни поютъ, хорошо какъ поютъ! Бабы спрашивали у плѣнныхъ: „А какъ у васъ нашимъ живется?“ „А хорошо, говорятъ, имъ живется, пообѣдаютъ и тоже идутъ, пѣсни поютъ!“

Удушливыхъ тумановъ боялась Анюшка, а плѣнныхъ нисколько.

— А мира не будетъ! — вдругъ сказала Анюшка и такъ настойчиво это сказала:
„не будетъ.“

Потянулъ холодокъ, туча нашла, много маленькихъ тучекъ теплыхъ — тамъ гдѣ-то дождикъ пошелъ, и воздухъ такой сталъ легкій.

На послѣдней большой остановкѣ — поѣздъ почтовый — на маленькой станціи было необыкновенно людно.

Отъ дороги, усаженной березками, подходили къ станціи бабы, нарядныя по-воскресному, въ бѣлыхъ платкахъ.

Жандармъ прогонялъ бабъ, и онѣ, помалкивая, уходили, но по бѣлымъ платкамъ видно было, какъ упорно собирались опять, только съ другого конца.

И только одну молодую бабу съ тремя ребятами не погналъ жандармъ, — она ему что-то сказала, показавъ на ребятъ: маленькаго сама на рукахъ держала, другой голопузъ сбоку за юбку цапался, а старшій въ картузъ впереди стоялъ съ прутикомъ, — ну, жандармъ и смиловался.

И когда тронулся поѣздъ, опять, какъ тамъ, на пересадкѣ, и въ почтовомъ поѣздѣ, только въ самомъ хвостѣ, закричали ура — заколебались бѣлые платки, а старики обнажили головы.

Это новобранцевъ провожалъ народъ всѣмъ народомъ.

Воробушкинъ, высунувшись въ окно, долго смотрѣлъ туда, къ дорогѣ съ березками, и долго видѣлись ему бѣлые колеблющіеся платки и сѣдыя обнаженные головы.

Это Россія всѣмъ народомъ провожала своихъ меньшихъ сыновъ, и какая скорбь чуялась въ ея молчаніи, и скорбь и покорность.

Не жандармъ, прогонявшій бабъ, — голосить еще примутся! — не прапорщикъ, распорядившійся вагономъ — какой-нибудь бывшій банковскій сослуживецъ того же Воробушкина! — не они отнимали отъ родной земли молодую силу, чтобы тамъ, на бранномъ полѣ, совершивъ страшное человѣческое, не по человѣческому заваренное дѣло, кровью своей покрыть землю, шелъ судъ нечеловѣчскій, и оттого въ покорномъ молчаніи среди колеблющихся бѣлыхъ платковъ и сѣдыхъ головъ такая скорбь чужалась.

III

На станціи ждали щелинскія лошади.

Ихоть Воробушкинъ своевременно телеграммой извѣстилъ пріятеля, точно высчитавъ день и часъ своего пріѣзда, лошадей, какъ оказалось, гоняли на станцію во второй разъ.

— Утромъ баринъ говорить: „Поѣзжай, Филиппъ, можетъ, пріѣхали, кто его знаетъ!“ Я и ѣздилъ, — объяснилъ качановскій кучеръ Филиппъ.

Воробушкина въ Качанахъ, какъ видно, ждали.

Только что прошелъ дождикъ, и вечеръ былъ такой чудесный, не надышешься, и ѣхать было легко по прибитой дождемъ дорогѣ.

Изъ разспросовъ узналъ Воробушкинъ отъ Филиппа, что гостей понаѣхало въ Качаны многое множество:

— Всякій день наѣзжаютъ новые, и весь домъ и флигеля заняты.

Переѣхали рѣчку, а за рѣчкой начался щелинскій лѣсъ.

По позднему вечеру затеплились двѣ звѣздочки, двѣ серебряныя и такія же подневольныя, сестры наши небесныя.

А проѣхавъ лѣсъ, поднялись на горку.

И справа надъ садомъ забѣлѣли двѣ качановскія колокольни.

— Вотъ и дома!

Гостя поджидалъ самъ хозяинъ.

Михаилъ Петровичъ былъ очень доволенъ и привѣтливъ и, не давъ оправиться, потащилъ гостя прямо къ столу.

По столу со всякими приставками съ конца до конца просторной столовой Воробушкинъ убѣдился, что гостей понаѣхало, дѣйствительно, не мало, и ему стало отчего-то грустно, но чай съ дороги разсѣялъ грусть.

Воробушкинъ пилъ чай и рассказывалъ пріятелю о своихъ дорожныхъ встрѣчахъ, о молодой Россіи, которую гонять умирать за родину, и о Россіи молчаливой покорной передъ судомъ Божиимъ, — о Россіи въ бѣлыхъ платкахъ,

и о новой подрастающей хозяйственной Россіи, непришибленной и крѣпкой, — объ Анюшкѣ Богдановой.

— А мы тутъ и въ войну перестали вѣрить!
— перебилъ хозяинъ.

Жукъ ли къ хорошей погодѣ встрепенулся въ щелинскомъ чревѣ, либо разговоры Воробушкина такъ раздражили, Михаилъ Петровичъ, прервавъ гостя, захлебываясь, понесся рассказывать о всякомъ: и о войнѣ, и о пріятностяхъ и безмятежии качановской жизни.

И, давъ гостю насытиться и чаемъ, и разговоромъ, повелъ въ маленькій домикъ — отъ дома рукой подать черезъ дорогу за флигелями.

И теперь по волѣ тѣ звѣзды и третья съ ними налились серебромъ чистымъ и мерцали въ ночи, серебряныя и такія же подневольныя, сестры наши небесныя.

За флигелями у дороги, весь открытый на солнцепекъ, стоялъ домикъ, со стороны дороги въ розахъ и жасминѣ.

Тутъ въ этомъ домикѣ и поселится Воробушкинъ и найдетъ полное забвеніе и отдыхъ. А прислуживать ему будетъ пани Марія.

— Пани Марія, бѣженка изъ Калиша! — повторялъ Михаилъ Петровичъ, не по-русскому сложенное, коверканное и какое-то для насъ, русскихъ, дурацкое газетное слово — „бѣженка“ —

которымъ обогатила жестокая роковая война нашъ ладный великій русскій языкъ, — бѣженка изъ Калиша!

И эта польская бѣженка, по настойчивому отзыву хозяина, не просто, а съ особой радостью будетъ служить гостю.

— Мы много ей помогали, — пояснилъ Михаилъ Петровичъ, — понимаете, вы понимаете, какъ она будетъ рада хоть чѣмъ-нибудь отблагодарить. Не стѣсняйтесь, пожалуйста!

Домъ, въ которомъ расположился Воробушкинъ на полное забвеніе и отдыхъ, представлялъ собой одну большую низкую комнату, вдоль раздѣленную на двѣ половины тоненькой, не достигающей до потолка перегородкой, а большая русская печь еще поперекъ дѣлила эти половины, по печкѣ поставлена была другая поперечная переборка, и получалось въ домѣ не одна, а цѣлыхъ четыре комнаты, и въ каждой комнатѣ было, какъ въ одной: чаю отхлебнешь — слышно, чихнешь — слышно, почешешься — слышно.

Переднюю половину съ параднымъ крылечкомъ, теплой печкой и ходомъ на балконъ занялъ Воробушкинъ, задняя же половина съ кухней, сѣнями и чуланчикомъ досталась пани Маріи съ ребятами: совсѣмъ маленькимъ и подросткомъ.

Пани Марія жила во всемъ домикъ и только для Воробушкина перебралась съ ребятишками въ заднюю половину, — и это было такъ понятно и просто: пани Марія въ благодарность за всю ту помощь, какую ей оказали Щелины, конечно, съ радостью должна была потѣсниться для щелинскаго гостя!

Кровать поставили Воробушкину у печки и, хотя тепло было и даже очень — пани Марія въ этой печкѣ на своей половинѣ кушанье себѣ днемъ стряпала и пекла хлѣбы — спалъ Воробушкинъ въ первую ночь, какъ убитый.

И лишь сквозь сонъ слышалъ, какъ ночью жалобно плакалъ ребенокъ, а подъ утро водовозъ привезъ воду — или ужъ самъ качановскій благодатный воздухъ, которымъ съ вечера такъ полно надышался, нагналъ на него въ ту первую ночь крѣпкій сонъ и ни плачь, ни стукъ ведерный не смутилъ его.

На утро, когда къ нему вошла пани Марія и такая измученная и несчастная, безъ улыбки, съ живою на измученномъ лицѣ скорбью, принялась за уборку, Воробушкину, глядя на нее, даже неловко стало и онъ бросился помогать ей.

И не могъ не замѣтить, что особой радости, о которой вчера ему рассказывалъ хозяинъ, прислуживаніе это у нея не вызываетъ.

Утренній чай пилъ Воробушкинъ у себя въ домикъ — послѣ уборки пани Марія поставила самоваръ, что заняло времени довольно: труба

для самовара была прямая, на волѣ — ничего, тянеть, а въ кухнѣ — не очень способно.

Обѣдалъ Воробушкинъ въ домѣ со всѣми — и вправду, какъ въ стародавнія времена либо нынче, когда не больно разъѣдишься, въ любой и самой неустроенной санаторіи, такой былъ съѣздъ въ Качанахъ, душъ тридцать гостей гостило!

И какъ это у Михаила Петровича при всей его добротѣ душевной и хлѣбосольствѣ терпѣнія хватало — душъ тридцать гостей гостило! — а у Марьи Сергѣевны запасовъ?

Послѣ обѣда Воробушкинъ пилъ чай опять одинъ у себя.

Тутъ онъ еще пристальнѣе разглядѣлъ свою сосѣдку и еще большую почувствовалъ неловкость: не только ни о какой радости не могло быть и рѣчи, онъ ясно видѣлъ, что ухаживаніе за нимъ было ей въ тягость.

Пани Марія, приготовляя къ самовару, задержалась въ его половинѣ и рассказала всѣ свои бѣды —

Пани Марія жила въ Калишѣ, мужъ ея техникъ служилъ на заводѣ. Скопили они деньжонокъ и купили домъ, думали, жить имъ поживать въ ихъ новомъ домѣ, да и дѣтямъ останется. А когда началась война, нѣмцы вошли въ Калишъ,

первымъ попался ихъ домъ, его и сожгли, — домъ ихъ стоялъ около казармъ какъ разъ на углу. Такъ кончилась счастливая, мирная жизнь. Бездомные, уходили они изъ Калиша трижды и трижды возвращались, — надѣялись, придуть русскіе, отобьютъ у нѣмцевъ! А хоронились они въ погребѣ, и это было самое тяжкое время: мальчикъ кричить, плачетъ, вотъ ихъ откроютъ, и ужъ никому не будетъ пощады. Безпощадно расправлялись съ такими въ тѣ дни, и много погибло и дѣтей, и женщинъ. А надрожавшись въ погребѣ, когда стало ясно, что надѣяться не на что, имъ оставалось одно, бездомнымъ, бросить и родную землю и итти, куда глаза глядятъ. Со старшимъ мальчикомъ пошла пани Марія, а младшаго — младшему и семи мѣсяцевъ не было — взялъ мужъ на руки. Ее пропустили — ничего, и старшаго мальчика пропустили, а мужа не хотятъ, не пропускаетъ часовой.

— Смотрю, — рассказывала пани Марія, — ужъ цѣлится, а мужъ стоитъ, поднялъ руку и мальчика поднялъ: „Не стрѣлай, молю, или ребенка не пощадишь?“ Ну, видно у того свои были дѣти, вспомнилъ и опустилъ ружье. Такъ и спаслись.

Такъ и спаслись.

И хоть съ пустыми руками, бездомные, а вышли изъ бѣды сами-то цѣлы.

Пани Марія рассказывала горячо, съ изступленной клятвой, поминая Пана Іезуса и Матеръ Божию.

И только коснувшись уличныхъ ужасовъ, пожаровъ, убійствъ и насилій всякихъ надъ дѣтьми и взрослыми, надъ старикомъ ксендзомъ, котораго волочили по улицамъ, только коснувшись непремѣнныхъ подробностей того страшнаго человѣческаго, не по человѣческому завареннаго дѣла, войны, передавая случай, какъ на улицѣ убили отца и мать, а бывшую съ ними ихъ дѣвочку, дочь маленькую, оставили, и какъ эта самая дѣвочка, очутившись на мостовой между убитыми, не понимая участи матери и отца, безпомощная, обращалась къ нимъ, какъ къ живымъ, — папа! мама! — и, не получая отвѣта, теребила рученками то одного, то другого, все повторяя: папа! мама! — голосъ пани Маріи вдругъ зазвучалъ по-дѣтски безпомощно, будто сама она и была этимъ покинутымъ среди убитыхъ на мостовой ребенкомъ, которому ни отецъ, ни мать не отвѣтятъ, и, какъ ни тереби, не помогутъ, и, какъ ни плачь — мама! папа! — не сохранятъ отъ бѣды.

И она заплакала.

Пани Марія стояла у раскрытой двери въ ту заднюю половину, куда ее загнали ради Воробушкина, и плакала.

И видно было и чуялось въ слезахъ ея горькихъ, что не дѣвочку ту безпомощную такъ жаль ей и не по ней она такъ горько плачетъ, а себя ей жалко, домъ свой новый сгорѣвшій, хозяйство свое, добро нажитое, свою покинутую разграбленную землю, свое сиротство на нашей русской землѣ...

И зачѣмъ они домъ купили? положить бы имъ скопленные деньги въ банкъ, цѣлы были бы, и теперь на чужой землѣ съ такими деньгами не пришлось бы просить, и ее никто не потѣснилъ бы, она нашла бы себѣ свой уголь и тутъ, вдали отъ родной земли!

Не скоро успокоилась — пани Марія все плакала — а когда высохли слезы, ужъ не такъ, не тѣмъ голосомъ, только жалобно.

Разсказывала она Воробушкину, какъ Щелины нашли ее въ Москвѣ и поселили у себя въ Качанахъ, пріютили въ этомъ самомъ домикѣ — старшаго мальчика общалъ Михаилъ Петровичъ устроить съ осени въ городское училище, мужу на станціи мѣсто выхлопоталъ, тамъ и живетъ онъ на мѣстѣ —

И какъ не оставляютъ ея: Марья Сергѣевна даетъ ей муку, молоко и картофель —

— Мужъ получаетъ на станціи маленькое жалованье и безъ поддержки съ ребятами никакъ невозможно!

И какъ Марья Сергѣевна выходила зимой ея младшаго мальчика —

— Простуженный, безъ ея помощи не выжилъ бы мальчикъ!

И какъ за все это она благодарна Щелинымъ: и Михаилу Петровичу и Марѣ Сергѣевнѣ.

Самоваръ погасъ за разговорами, пришлось раздуть заново и долго еще дожидаться запоздлага послѣобѣденнаго чаю.

Ужиналъ Воробушкинъ въ домѣ со всѣми. Послѣ ужина жукъ во чревѣ щелиномъ былъ особенно игривъ и проказливъ, и обычно Михаилъ Петровичъ, поймавъ какого-нибудь неискушеннаго гостя, отправлялся на прогулку, занимая гостя своимъ неистощимымъ разговоромъ жуку въ угоду. Если же спутника не случалось, остервенѣлый, ходилъ онъ съ высунутымъ языкомъ, который у него за отсутствіемъ собесѣдника просто болтался: жукъ начиналъ играть во чревѣ, слова лѣзли на языкъ, а говорить не съ кѣмъ, и оттого языкъ болтался.

Воробушкинъ, само собой, попалъ въ спутники къ Михаилу Петровичу и, улучивъ минуту, разспросилъ о пани Маріи, и рассказанное ею все подтвердилось.

— Она рада чѣмъ-нибудь отблагодарить насъ и съ радостью вамъ будетъ прислуживать. Не стѣсняйтесь, пожалуйста! — повторялъ Михаилъ Петровичъ.

Послѣ прогулки ждали чая на сонъ грядущій.

Изъ щелинскихъ гостей, проводившихъ въ Качанахъ свои дни въ полномъ забвеніи и отдыхѣ, оказалось не мало замѣчательныхъ стратеговъ: начитавшись газетъ и принимая всякіе, въ большинствѣ вздорные, а подчасъ и корыстные, слухи за истинную правду, ловко обсуждали ходъ военныхъ дѣйствій и предсказывали событія.

Въ этотъ вечеръ всѣхъ занимало московское извѣстіе о пчелиномъ роѣ, сѣвшемъ въ Кремль на Ивана Великаго:

что все сіе значитъ?

А старая тетушка въ большемъ возрастѣ съ сѣдыми позеленѣвшими завитками, прислушиваясь къ разговорамъ, все недоумѣвала.

— Да почему же, — удивлялась она, — не соберутся державы и не перестрѣляютъ всѣхъ нѣмцевъ?

IV

Съ каждымъ днемъ Воробушкинъ убѣждался, что не только какого забвенія, но и самаго простаго отдыха, о которомъ такъ много толковалъ и сулилъ ему въ Качанахъ Михайлъ Петровичъ, не было и быть не могло.

Пани Марію, въ этомъ онъ окончательно убѣдился, тяготило прислуживаніе — и самовары, и уборка.

Пани Марія за перегородкой у себя такъ вздыхала, словно вся душа у ней обрывалась.

Какой ужъ тутъ отдыхъ, какое забвеніе!

Ночью плохо спалось — очень было душно и жарко отъ печки, и особенно въ тѣ и безъ того жаркіе дни, когда пани Марія пекла хлѣбы, а мальчикъ, котораго выходила Марья Сергѣевна, не очень-то здоровый, по ночамъ кричалъ и плакалъ.

Справится Воробушкинъ съ горячей печкой, кое-какъ приладится, кажется, забудетъ всякую печку, и вдругъ проснется: ребенокъ кричитъ!

Пани Марія утѣшаетъ, а онъ все кричитъ — можетъ, поѣлъ чего, можетъ, и ему жарко, а можетъ, растеть. И пани Марія, переговоривъ всѣ ласковыя слова, которыхъ такъ много знаетъ польскій языкъ, начинаетъ ужъ съ мальчикомъ какъ со взрослымъ, начинаетъ укорять его, не говорящаго еще и самыхъ простыхъ словъ, пеняетъ ему, что покоя съ нимъ нѣтъ, совсѣмъ измучилъ, что и такъ она несчастная, загнанная она на чужой землѣ, а еще и онъ ее разстраиваетъ.

А ребенокъ все кричитъ и кричитъ.

И тогда ужъ безъ словъ, безъ укора раздаются сухіе шлепки, а въ отвѣтъ такой подымается крикъ, отъ котораго въ ушахъ звенить, — куда звонъ желѣза на стройкахъ! — и падаетъ сердце.

Успокоится мальчикъ — всему есть пора: и слезамъ, и крику, такому дѣтскому крику, о которомъ не выскажешь, дѣтскому! Затихнетъ мальчикъ, и пани Марія успокоится, приладится и Воробушкинъ, кажется, забудетъ всякій крикъ, и вотъ, словно и минуты не пройдетъ, опять проснется: водовозъ пріѣхалъ, воду привезъ — стучить ведрами, льетъ воду.

Послѣ такой ночи, когда входила пани Марія, такая вся несчастная, у Воробушкина языкъ не повертывался о чемъ-нибудь попросить, онъ старался дѣлать все, что возможно, самъ, и если за-

говариваль, а ужъ, значить, надо было заговорить по необходимости, пани Марія, вся измученная, смотрѣла на него не только непривѣтливо, но даже и враждебно —

Да и какъ ей по-другому смотрѣть — вѣдь всю-то ночь... повозись-ка ночь съ ребенкомъ, а тутъ еще самовары, да и не привыкла она, она никогда не прислуживала и прислужой не собиралась быть!

И, прибравъ кое-какъ комнату, пани Марія за перегородкой у себя такъ вздыхала, словно вся душа у нея обрывалась.

По близости случился пожаръ.

Пожаръ увидала пани Марія и сказала Воробушкину.

А какъ она вся, какъ листъ, дрожала и въ глазахъ ея горѣло — это горѣлъ домъ ея тамъ, на землѣ покинутой, ея земля горѣла и все то счастье и миръ, котораго она съ мужемъ добилась, ея счастье горѣло!

Воробушкинъ бѣгалъ смотрѣть на пожаръ: къ пожару всегда тянетъ.

Пожаръ былъ неподступный — горѣлъ льняной заводъ съ керосиномъ и нефтью, и по вѣтру огненные стружки отъ стройки, какъ огненные птицы, летѣли. Но не въ атомъ, не въ пожарѣ

было грозно и страшно, а страшно было, когда побѣждалъ народъ всѣмъ народомъ тушить пожаръ, — заводъ принадлежалъ крестьянамъ, товариществу.

И надолго осталось въ памяти, какъ тащили огромные черные багры.

„А что если поджогъ?“ — подумалось тогда.

И увидѣлъ онъ въ глазахъ бѣжавшаго народа тотъ же самый вопросъ.

И было грозно и страшно.

Глаза искали:—кто поджогъ?—гдѣ поджигатель?

И онъ видѣлъ Россію — пожаръ, и бѣжить народъ и, какъ послѣднее, тащить эти огромные черные багры не тушить пожаръ неподступный, такого такъ не затушишь — воля Божья! — а бѣжить народъ справляться съ тѣми, съ тѣмъ, на кого скажетъ, не крикнетъ, а только скажетъ тотъ вонъ рыжій всклокоченный мужикъ, прибѣжавшій за много верстъ изъ дальней деревни.

Михаилъ Петровичъ съ ногъ сбился, онъ и самъ тушилъ, а больше распоряжался. Слава Богу, заводомъ и кончилось, а то долго-ль до бѣды — при такомъ вѣтрѣ да всѣ Качаны какъ слизнуло-бъ!

Въ домѣ разговоръ на время перешелъ только къ пожару: надо было какъ-нибудь возстановить добро, а кромѣ того, дѣлились свѣжими впечатлѣніями.

Михаиль Петровичъ собралъ крестьянъ и съ ними всякое толковалъ. И жукъ въ щелиномъ чревѣ затаился, какъ и вовсе не было. А черезъ день все было рѣшено и подписано: въ городъ посланы прошенія о ссудахъ и льготахъ и положено начало новой стройкѣ.

И опять все пошло по-старому.

Тутъ только замѣтилъ Михаилъ Петровичъ перемѣну въ гостѣ: Воробушкинъ пріѣхалъ куда веселѣе, а за эти нѣсколько дней совсѣмъ захудалъ и бродилъ скучный.

Послѣ ужина, прогулявшись на пожарище, куда по привычкѣ стали ходить вмѣсто прогулки, Михаилъ Петровичъ зашелъ въ домикъ къ пріятелю.

— Да не стѣсняетъ ли васъ пани Марія? — спросилъ Михаилъ Петровичъ.

Воробушкинъ признался.

Воробушкинъ признался: да, ему не совсѣмъ ловко просить ее прислуживать!

И только.

Всего же, о чемъ передумалъ онъ за эти нѣсколько дней въ свои безсонныя ночи и готовился сказать, не сказалъ и не могъ.

Ну, какъ это скажешь?

По добротѣ душевной и хлѣбосољству Михаилъ Петровичъ напригласилъ къ себѣ гостей

полонъ домъ... зачѣмъ же было заманивать еще и Воробушкина, когда мѣста нѣтъ, да еще и судить ему полное забвеніе и отдыхъ?

Воробушкина помѣстили въ домикъ къ пани Маріи за перегородку и въ сущности въ одной комнатѣ съ пани Маріей... а этого никакъ нельзя было дѣлать ни для него, ни для нея, — для нихъ обоихъ.

Это вѣрно — бываетъ такъ, что человѣкъ, которому оказана услуга, съ радостью въ благодарность за услугу готовъ чѣмъ-нибудь отслужить. Михаилъ Петровичъ судя главнымъ образомъ по себѣ, нисколько не ошибался, предполагая, что и пани Марія рада будетъ отблагодарить и его, и Марью Сергѣевну.

Пани Марія и вправду рада была отблагодарить Щелиныхъ!

И въ одномъ Михаилъ Петровичъ ошибся: онъ совсѣмъ не подумалъ, какъ и чѣмъ можетъ и хотѣла бы ихъ отблагодарить пани Марія.

Михаилъ Петровичъ вмѣсто того, чтобы — какъ это полагалось бы по правдѣ! — оказавъ человѣку услугу, особенно зорко слѣдить за поступками своими по отношенію къ этому обязанному человѣку и нечаянно какъ не напомнить ему объ услугѣ и тѣмъ самымъ не вызвать у него тягостнаго чувства должника, которому во что-бы то ни-стало надо расквитываться съ благодѣтелемъ, Михаилъ Петровичъ безъ всякой осторожности,

нисколько не подумавъ о пани Маріи, а вспомнивъ лишь свою оказанную ей услугу, выбралъ такое дѣло, которое ему самому предоставляло удобства, и это дѣло въ сущности навязалъ исполнить пани Маріи за оказанную ей услугу.

Михаилу Петровичъ надо было дѣвать куда-нибудь гостя, пріятеля своего, а мѣста въ домѣ не было, и вотъ хорошій случай для пани Маріи: пани Марія потѣснится, пустить къ себѣ въ домикъ щелинского гостя и будетъ прислуживать ему.

Мало того, что не подумавъ о пани Маріи, Михаилъ Петровичъ навязалъ ей дѣло, лишь себѣ удобное, а и увѣрился, будто и для пани Маріи это дѣло удобное, а потому, конечно, съ радостью будетъ она исполнять его.

Пани Марія никогда не забывала оказаннаго ей Щелиными добраго дѣла и рада была отблагодарить Щелиныхъ. И возможно, она была бы рада ухаживать и все дѣлать для Марьи Сергѣевны, даже въ сѣни съ ребятами перебраться для Марьи Сергѣевны, но прислуживать щелинскому гостю она совсѣмъ была не рада. И если на предложеніе Михаила Петровича помѣстить у себя въ домикъ Воробушкина и прислуживать Воробушкину дала-таки согласіе и потѣснилась и кое-какъ прислуживаетъ, ставитъ самовары и полъ моетъ, то единственно и только по нуждѣ своей, по бѣдѣ своей, отъ несчастья своего. И какъ же ей было отказать Щелинымъ, которые сдѣлали ей доброе

дѣло, пріютили ее и поддерживаютъ и безъ которыхъ ей съ ребятами хоть по міру иди!

Ну, какъ это скажешь?

И сказать всего этого Воробушкинъ не могъ потому, что пріятель, заманивъ его въ Качаны, какъ разъ именно ради него, Воробушкина, и поступилъ такъ.

И упрекать Михаила Петровича совсѣмъ не годилось, хоть и поступилъ онъ совсѣмъ недуманно, поставивъ въ самое дурацкое положеніе прежде всего его же самого, которому обѣщаль забвеніе и отдыхъ, и огорчивъ и безъ того огорченную, несчастную пани Марію.

А кромѣ того, зная хорошо Михаила Петровича, было не безопасно признаваться ему во всемъ по правдѣ: сгоряча Михаилъ Петровичъ можетъ, Богъ знаетъ, чего натворить — вѣдь Михаилъ Петровичъ никакъ не могъ понять, какъ это такъ пани Марія, обязанная всѣмъ ему и Марьѣ Сергѣевнѣ, не рада ихъ отблагодарить прислуживаніемъ Воробушкину! Михаилъ Петровичъ могъ сказать что-нибудь очень обидное пани Маріи и, наконецъ, вгорячахъ же просто пригрозить выгнать ее изъ домика.

— Да, мнѣ не совсѣмъ ловко просить ее прислуживать! — повторилъ Воробушкинъ.

И вотъ отъ несказанныхъ ли признаній, смутно проникшихъ въ душу, или отъ собственной догадки

о той правдѣ, которую скрылъ Воробушкинъ, не желая упрекать пріятеля, и которую не допускалъ Михаилъ Петровичъ, Михаилъ Петровичъ вдругъ словно ошетинился.

— Я знаю, какъ васъ избавить отъ этой пани Маріи! Завтра же вамъ будетъ прислуживать кучерова дѣвочка Тая...

И, не дожидаясь отвѣта, Михаилъ Петровичъ прошелъ на половину пани Маріи — пани Марія во дворикъ сидѣла съ ребятами — и вернулся съ самоваромъ и трубой.

— А чайникъ у васъ есть?

Воробушкинъ оглядѣлъ столикъ — темно ужъ было, на столикѣ, на подносѣ стоялъ одинъ стаканъ.

— Нѣтъ, нѣту! — сказалъ Воробушкинъ упавшимъ голосомъ, самъ не зная, чему испугавшись.

Михаилъ Петровичъ опять вышелъ и что-то долго шарилъ тамъ по полкамъ и наконецъ-то вернулся.

— Вотъ вамъ и чайникъ!

И, наложивъ крючокъ на дверь къ пани Маріи, подергалъ: крѣпко-ль?

И также рѣшительно вышелъ онъ изъ домика черезъ балконную дверь.

И скоро вернулся и не одинъ, а съ Таей, кучеровой дѣвочкой, очень похожей на Анюшку Богданову, въ красненькомъ платьицѣ: она поутру постучить въ балконную дверь, разбудить Воробушкина, будетъ носить ему воду, прибирать комнату и ставить самоваръ.

Тая побѣжала за углями. Михаилъ Петровичъ присѣлъ къ столу.

Какой-то онъ сталъ грустный такой.

— А этотъ чайникъ не пани Маріи? — робко спросилъ Воробушкинъ: ему показалось, словно бы раньше, всѣ эти дни, онъ пилъ не изъ такого.

Михаилъ Петровичъ отвѣтилъ:

— Я даль, я могу и назадъ взять. Никакого чайника у пани Маріи не было!

V

Ночью прошелъ дождь.

Какъ спится подъ дождь сладко!

Воробушкинъ долго ворочался.

И снилось ему что-то запутанное —

— — тащили его куда-то, и онъ тащилъ кого-то, потомъ очутился онъ въ какой-то комнатѣ, а въ сосѣдней комнатѣ лампа горитъ и очень отъ нея жарко, и вдругъ всѣ встали и ушли, и видитъ онъ, одинъ остался Михаилъ Петровичъ, голый Михаилъ Петровичъ моетъ полъ подъ лампой и у него рыбій хвостъ, и опять потащили, а Тая — Анюшка Богданова — въ красненькомъ платицѣ стучить

въ балконную дверь, а онъ и слышитъ, а встать не можетъ —

— Чайничекъ забрали!

Услышалъ онъ ясно и съ болью открылъ глаза.

Еще чуть только свѣтъ, и тихо за окномъ.

— Чайничекъ забрали! — повторила пани Марія.

Старшій мальчикъ что-то со сна ей отвѣтилъ ворчливо.

И слышался одинъ долгій вздохъ, какъ только вздыхала пани Марія.

Воробушкинъ лежалъ съ открытыми глазами, сна ужъ не было.

Чайничекъ забрали! — повторялось за перегородкой.

Пани Марія жаловалась на обиду, какъ ее обидѣли.

У нея домъ сожгли, загнали ее на чужую землю и теперь съ несчастной все, что угодно, могутъ сдѣлать.

— Чайничекъ забрали!

Жаловалась пани Марія, словно въ этой послѣдней обидѣ, въ этомъ чайничкѣ, собралась

вся ея обида, бѣда, все ея горе, она нашла имя бѣдѣ своей, назвала ее по имени и повторяла, обращаясь къ Богу.

Воробушкинъ лежалъ съ открытыми глазами, проникнутый этой душою надрывающей жалобой, и почему-то вспомнилась ему та молодая баба съ ребенкомъ, проводившая мужа, та баба, которая лежала въ пыли у жандармской комнаты на затоптанной травѣ.

И голосъ пани Маріи слился съ ея голосомъ.

Пріѣхалъ водовозъ.

Водовозъ долго громыхалъ ведрами.

Пани Марія и ему рассказала о своей обидѣ и ужъ съ какою-то радостью заключила словомъ, въ которомъ собралась для нея вся обида, бѣда, все ея горе:

— Чайничекъ забрали!

А на вопросъ водовоза, куда налить воду и гдѣ ведра, одно отвѣчала, потерянная въ своей обидѣ, какъ тотъ въ бѣдѣ, у кого впереди — одна бѣда.

— Ничего не знаю! Ничего не знаю!

Да и такъ, откуда ей знать:

дверь на половину Воробушкина на крючкѣ, и ей нельзя пройти.

— Чайничекъ забрали! — опять съ какою-то радостью заключила она словомъ, въ которомъ собралась для нея вся обида, бѣда, все ея горе.

За водовозомъ постучала въ балконную дверь Тая.

Тая постучала куда раньше, чѣмъ ей полагалось, но теперь Воробушкину все равно: раньше или позже.

Тутъ ужъ и Тая не поможетъ!

Тая вынесла самоваръ на балконъ. А оставленные на балконѣ угли за ночь отсырѣли. Побѣжала за углями.

И дай Богъ черезъ часъ самоваръ поспѣеть!

Воробушкинъ заглянулъ въ окно къ черному ходу: тамъ на крылечкѣ сидѣлъ старшій мальчикъ и въ стаканѣ разминалъ чайники —

Жалко ему стало.

И зачѣмъ это онъ вчера затѣялъ разговоръ съ Михаиломъ Петровичемъ? Ну, взять бы ему тихо, смирно и уѣхать изъ Качановъ, и никто бы не жаловался. Ну остался бы хозяинъ недоволенъ, конечно, посердился бы на него, но это совсѣмъ не то, совсѣмъ не то!

Пани Марія за перегородкой вздохнула, какъ вздыхала только пани Марія.

И опять начала она къ Богу свою жалобу о бѣдѣ и обидѣ, и о горѣ своемъ.

— Чайничекъ забрали!

Самоваръ поспѣлъ. Ловко и проворно внесла его Тая.

Воробушкинъ заварилъ чай и ходилъ около стола, гдѣ стоялъ чайникъ.

И такой маленькій представлялся онъ ему огромнымъ чугуномъ, пышущимъ, жаркимъ, какъ та приснившаяся жаркая лампа, заполнявшимъ собою всю комнату — и не приступишься! — чайничекъ заполнилъ всю его половину, весь домъ.

Часъ и другой претерпѣлъ Воробушкинъ, собирая свои вещи и укладываясь, чтобы немедленно ѣхать домой, въ Петербургъ на Дегтярную.

Чайничекъ заполнивъ весь домъ, заполнялъ щелинскіе Качаны съ домомъ, флигелями, полемъ и лѣсомъ, вездѣ онъ одинъ былъ и маленький, а такой непомѣрный, такой пышущій, жаркій, какъ та жаркая лампа, подъ которой Михаилъ Петровичъ голый съ рыбьимъ хвостомъ полъ мылъ, и ничего другого не оставалось, какъ бѣжать.

„Оттолкнись, какъ шестомъ отъ берега и забуду!“ — Воробушкинъ хватался за единственную спасительную мысль свою — бѣжать безъ оглядки или отпрянуть, какъ деликатно выражались побѣдоносно настроенные стратеги, когда заходила рѣчь о нашемъ отступленіи, а по-просту бѣгствѣ.

Михаилъ Петровичъ на заявленіе гостя. объ отъѣздѣ остался очень недоволенъ.

Какъ же это такъ, развѣ не нашель Воробушкинъ въ Качанахъ отдыхъ? Или недоволенъ, что много гостей? Но вѣдь кто же этого не знаетъ, что среди лѣта въ деревнѣ всегда много гостей!

И притомъ же онъ достаточно ясно предупреждалъ его въ письмѣ, говоря русскимъ языкомъ, что „постарается устроить покойно и удобно“, не сказалъ, что „устроить“, а „постарается устроить“!

— Я же вамъ писалъ, что у насъ все занято — и домъ, и флигеля! — Михаилъ Петровичъ, сердился, городя небывалое.

Воробушкинъ не возражалъ, Воробушкинъ старался какъ-нибудь оправдаться, ссылаясь на всякія тревоги, которыя его одолеваятъ, и что безъ Дегтярной онъ не можетъ.

Но выходило не очень-то убѣдительно: Воробушкину никто не вѣрилъ, и онъ видѣлъ въ глазахъ одно осужденіе.

— Просто привередничаетъ! — говорили брезгливо.

— Конечно привередничаетъ! Какой чудесный, уютный домикъ, какія подъ окнами розы цвѣтутъ и жасминъ!

— А если съ пани Маріей не поладилъ, — находились-таки догадливые, — стоитъ ли на это обращать вниманіе!

А щелинскій кучеръ Филиппъ ужъ прилаживался на облучкѣ — по невеселому, по сѣрому деньку, весело, чтобы везти барина по прибитой дождемъ дорогѣ назадъ на станцію.

СЕСТРА УСЕРДНАЯ

Всякій день по утру, когда вы проѣзжаете на трамваѣ по Суворовскому, вамъ встрѣчаются колесницы съ бѣлымъ серебрянымъ балдахиномъ и съ электрическими фонарями, а за колесницей кучка провожатыхъ и двѣ-три кареты. То же самое вы встрѣтите и на Загородномъ и на 17-й линіи Васильевскаго острова. Все это покойники настоящіе, именные: кого на Охту, кого на Волково, кого на Смоленское домой несутъ, и ужъ навѣрно на ихъ могилахъ поставятъ памятникъ.

Но попадаютъ вамъ и другіе, и такихъ тоже немало: ѣдетъ возница, на дрогахъ — желтый досчатый гробъ; возница ѣдетъ быстрѣе, чѣмъ тянутся тѣ съ электрическими фонарями, и за гробомъ никого не видно, никто не идетъ.

Мнѣ всякій разъ хочется остановить возницу, — такой въ картузѣ съ усами сѣрый, — приоткрыть крышку, заглянуть въ гробъ: да кого же, кого это везутъ, какъ кладъ, и вѣдь былъ же, несчастный, именинникъ, и хоть одна душа, хоть разъ въ году, кто-нибудь приходилъ же къ нему

въ гости на именины, пили чай? или и въ жизни такъ было — ни души!

Заглянуть среди бѣла дня на людяхъ, — гдѣ тамъ заглянешь! — не полагается и не позволять. Но и такъ дознался, и я расскажу вамъ про одного такого человѣка.

Вамъ случалось встрѣчать сѣренькихъ и незамѣтныхъ, постоянно хлопочущихъ барышень, какихъ-нибудь служащихъ въ конторахъ и кассахъ, учительницъ городскихъ и домашнихъ, вамъ случалось заговаривать съ ними такъ, не по дѣлу, — вспомните, васъ не поражала одна странность, а можетъ, и вызывала улыбку, — эта неожиданная мечта ихъ о самыхъ невообразимыхъ путешествіяхъ: непременно ѣхать куда-нибудь за тридевять земель — въ Африку, въ Австралію, въ Индію.

Татьяна Спиридоновна Свѣтлакова, учительница городской школы, мечтала о Индіи.

Почему о Индіи?

Потому ли, что Индія — чудесная, одно слово — Индія? Сама Татьяна Спиридоновна ничего не могла отвѣтить и лишь одно — ѣхать ей въ Индію, вотъ и все.

И однажды, послѣ экзаменовъ, распустивъ ребяташекъ, она взяла и поѣхала.

И благополучно добралась до Ташкента и дальше до какой-то конечной станціи, — путь сухопутный представлялся ей и самымъ прямымъ, а главное самымъ дешевымъ, — но тѣмъ и кончилось путешествіе:

съ караваномъ, отправлявшимся въ горы, какъ ни просила, ее не взяли, да и денегъ у нея, по правдѣ сказать, не было, какая ужъ Индія!

Объ этомъ путешествіи своемъ индійскомъ стыдливо, — Татьяна Спиридоновна всегда чего-то немного стыдилась, — рассказывала она со всякими и печальными и веселыми подробностями.

И какъ на конечной станціи у порога въ Индію, желая добыть себѣ денегъ на обратный путь, предлагала она уроки, въ которыхъ, къ горю ея, не оказалось нуждающихся, — будь портнихой, умѣй сшить платье по-питерскому, другое бы дѣло! — и какъ сарты, что ли, тамъ въ чалмахъ страшные, любопытства ради, за руки ее трогали, и какъ, наконецъ, далъ ей денегъ начальникъ станціи, добрый человѣкъ, и въ четвертомъ классѣ, — прощай Индія! — поѣхала она домой.

Кромѣ мечты о Индіи, въ родѣ какъ осуществленной, — говорили же и не въ шутку, что Татьяна Спиридоновна въ Индію ѣздила, да и са-

ма она съ этимъ потихоньку свыкла, — была у нея и другая, столь же завѣтная мечта и совсѣмъ несбыточная, мечта о Швейцаріи. Швейцарію представляла себѣ Татьяна Спиридоновна чуть что не самымъ раемъ земнымъ, гдѣ не только сама природа — рѣки медвяныя, берега кисельные, горы сахарныя, а и люди — не наши и не здѣшніе, свои — настоящіе люди и жить тамъ — все равно, что въ рай попасть!

И однажды, въ началѣ лѣта, прослышавъ о экскурсіи въ Швейцарію медичекъ, Татьяна Спиридоновна собрала свои вещи — старенькій чемоданишко, съ которымъ обыкновенно перебиралась изъ комнаты въ комнату, — и, недолго думая, поѣхала на вокзалъ и тамъ благополучно въ вагонъ влѣзла и на полку чемоданишко этотъ свой помѣстила.

Но тѣмъ дѣло и кончилось: замѣтили незнакому, поднялся крикъ и, какъ ни просила, — одно мѣсто свободнымъ оказалось! — не пустили, вывели вонъ. Одинъ былъ такой случай, и не выгорѣло, такъ въ Швейцарію и не попала.

Татьяна Спиридоновна ѣздила въ Индію... мечтала о Швейцаріи, а ужъ по Россіи гдѣ-гдѣ не бывала!

Побывала она и на холерѣ, и на чумѣ, и на тифѣ, и на голодѣ, и еще на какой-то тамъ напасти нашей — безъ которой лѣто не въ лѣто и

годъ не годъ — и такъ, кочуя отъ бѣды къ бѣдѣ, по Волгѣ проѣхала, пробралась на Кавказъ.

И если не суждено ей было туманный Монъ-Бланъ увидѣть, она увидѣла пустынный, такой весь бѣлый Эльбрусъ.

А вы знаете, что это значить, послѣ холеры, чумы, тифа и голода, послѣ тѣхъ напастей нашихъ — безъ которыхъ лѣто не въ лѣто и годъ не въ годъ — въ горячій солнечный день вдругъ ясно увидѣть бѣлый Эльбрусъ!

По себѣ скажу, есть въ мірѣ такое... цвѣты такіе полевые, горы такіа бѣлыя неподступныя, недостижимыя, слова, слово и звѣзды, звуки какъ звѣзды, и наши желанія, и наши дѣла, отъ которыхъ, будь два камня — на груди камень и камень за плечами, а на одну минуту станетъ со-всѣмъ тихо, и въ этой тиши мгновенной и самое ожесточенное сердце благословить міръ и жизнь земную.

Объ этомъ путешествіи кавказскомъ стыдливо — Татьяна Спиридоновна всегда чего-то немногo стыдилась, — рассказывала она со всякими подробностями.

И какъ ее по дорогѣ лермонтовскіе чеченцы, что ли, тамъ черные съ кинжалами сладкимъ виномъ угощали, и какъ она Эльбрусъ увидѣла.

И оттого ли, что Эльбрусъ такой недоступный и суровый, пустынный, а она такая маленькая и незамѣтная и ужъ какая тамъ суровая, бѣ-

лый Эльбрусъ повторялся въ ея разсказахъ, какъ припѣвъ, какъ „Господи помилуй“.

Мечтая о путешествіяхъ самыхъ невообразимыхъ и недоступныхъ Татьяна Спиридоновна мечтала, какъ она сдѣлается докторомъ.

Послѣ дневныхъ занятій въ школѣ бѣгала она по всякимъ лекціямъ и одно время поступила въ Психоневрологическій институтъ и съ годъ вечерами занималась тамъ науками, сдала часть анатоміи, но тутъ ее вычеркнули.

Ну, откуда же заплатить ей за лекціи? Ее и вычеркнули. Такъ она въ своей комнатенкѣ, гдѣ-то на Преображенской, и осталась, да съ нею тетка ея, хворающая старуха.

Татьяна Спиридоновна ѣздила въ Индію, на Эльбрусъ лазила, много чего видѣла, да и простуды всякія — и прострѣлъ, и ревматизмъ и еще что-то донимающее — не отпускали: въ кофточкѣ-то лѣтней въ слякоть нашу и по морозцу попробуй побѣгай! — а такъ ничего все такая же.

И откуда только у ней силы брались?

Вездѣ поспѣетъ и все устроить. И ужъ если надо чего, какъ кротъ, подземными ходами пройдетъ, а добьется, — будешь доволенъ.

Татьяна Спиридоновна птичьяго молока достать могла.

II

Вамъ случалось встрѣчать въ театрахъ и концертахъ среди нарядной публики такихъ какихъ-то переходящихъ съ мѣста на мѣсто, такихъ чего-то встревоженныхъ, пугливо озирающихся, то толкущихся въ проходахъ и у входа, то сидящихъ въ самыхъ первыхъ рядахъ и съ необыкновенной готовностью уступающихъ вамъ мѣсто, если даже мѣсто и не ваше, а вы только по ошибкѣ собрались усѣсться, напередъ знаю, вы-то ничего дурного не подумали о этихъ людяхъ, это — з а й ц ы.

Эти зайцы бываютъ двухъ родовъ: платные зайцы, которыхъ безъ билета пускаетъ капельдинеръ, получая себѣ мзду заячью, и бесплатные, которымъ удастся перехватить у какого-нибудь незнакомаго счастливца, уже вошедшаго, входной билетъ, — вещь головоломная!

Татьяна Спиридоновна проникала въ театры и концерты зайцемъ и притомъ бесплатнымъ.

Да и какъ иначе могла она попасть, ну, на Шаляпина, или посмотрѣть и послушать, чего добьешься лишь за большія деньги!

Жизнь ея была какая...

А вѣдь, ей тоже хотѣлось того праздничнаго чувства, какое бываетъ въ театрахъ и концертахъ.

Товарка Татьяны Спиридоновны, учительница Грачева, признавала, какъ сама она выражалась, свободную любовь: сойтись и такъ безъ особаго чувства, лишь развлечения ради, ей ничего не стоило.

Что же? — сегодня знакомъ, а завтра прощай! — такъ проходила жизнь, и, пожалуй, не надо и театра.

Коридорная горничная Аннушка въ комнатахъ на Невскомъ, гдѣ жила одно время Татьяна Спиридоновна, скромная и услужливая, не могла и представить себѣ, какъ бы она такъ жила безъ кавалера, а смѣнялись они у нея чуть-что не всякій праздникъ.

И у Грачевой и у Аннушки такая жизнь проходила и легко и просто: себѣ въ развлеченіе, другимъ не въ помѣху.

Жизнь, вѣдь, ихъ тоже была какая...

Другое дѣло Татьяна Спиридоновна: и тѣ, кто ее зналъ, и сама она о такомъ и подумать не могла, и не потому, чтобы уродомъ была, нѣтъ, дѣло не въ этомъ, Татьяна Спиридоновна совсѣмъ была другая, у ней душа была другая, и такъ, развлеченія ради, съ ея-то думой, такъ она ничего не могла дѣлать.

И еще скажу, я скажу вамъ самую тайную тайну ея и единственную: Татьяна Спиридоновна была влюблена и влюбилась она на всю жизнь.

А никакого сочувствія ей не было. Она про это знала. И надѣяться ей не на что было. У него была своя жизнь.

Случалось, что годами она его не видѣла, но всякое утро, когда бѣжала въ школу и вечерами на лекціи, къ сердцу ея приливало то чувство — знаете, это похоже, какъ въ пасмурный лѣтній

день, когда вся душа раскрывается! — и сердце
ея раскрывалось: вѣдь, только бы встрѣтить!

А самое большее удовольствіе было для нея,
когда говорили о немъ.

Оттого ли, что она такъ любила покорно и
кротко — безнадежно, или такой ужъ зародится
человѣкъ на свѣтѣ — всѣ мы по разному непо-
хожіе приходимъ на землю! — душа ея была
раскрыта къ той бѣдѣ нашей первородной, мимо
которой проходятъ столько глазъ, ничего не видя.

Когда случалось большое горе, я видѣлъ,
какъ она приходила въ тотъ домъ, къ тому че-
ловѣку, у котораго было горе, она не спрашивала
— не всегда надо спрашивать! — она сидѣла
около молча, потомъ начинала плакать и отъ ея
молчаливыхъ слезъ становилось легче.

Есть такіе, которымъ въ горѣ не надо словъ
или надо бы слово, но о которомъ кто знаетъ! —
и вотъ молчаніе и слезы достигали того незна-
емаго вѣрнаго слова.

Посидить, поплачетъ... смотришь, тотъ ужъ
и заговорилъ, а заговорилъ, это ужъ съ полгоря,
скоро и улыбнется.

Этимъ молчаніемъ своего раскрытаго сердца
и терпѣливыми слезами много она разсѣивала
горя. Но сама-то, съ несогрѣтымъ сердцемъ, въ
своей бѣдѣ, въ чемъ находила она утѣшеніе?

Татьяна Спиридоновна въ Бога не вѣровала.

Въ дѣтствѣ считалась она богомольной, ее никто не заставлялъ, это такъ у нея самой выходило: все, бывало, молится. И вотъ одинъ пустой случай перевернулъ все. Какъ-то въ школѣ задала ей учительница переписать тетрадку, а тетрадь была грязнущая. Другіе уроки она всѣ выучила, и только къ тетрадкѣ не притронулась, — что-то помѣшало ей, — время и прошло, не успѣть ужъ. На ночь положила она тетрадку подъ подушку и долго Богу молилась, просила о тетрадкѣ, просила — вѣрила: встанетъ поутру, чистая будетъ тетрадка. И легла, и спокойно заснула, а на утро чуть глаза раскрыла и первымъ дѣломъ подъ подушку, а тамъ тетрадка: какъ положила, — грязнущая! Никому объ этомъ она не сказала, только стали замѣчать, не такая ужъ она богомольная, какъ раньше: другой разъ безъ молитвы спать ляжетъ и обѣдню прогуляетъ, а тутъ лѣтомъ купалась, крестъ потеряла, да такъ безъ креста и осталась.

— Татьяна Спиридоновна, неужели вы не вѣруете въ Бога?

Стыдливо, какъ всегда чего-то немного стыдась, Татьяна Спиридоновна качала головою.

Она все исполняла, что ей полагалось: она водила ребятишекъ ко всенощной и къ обѣднѣ, на

Рождествѣ устраивала елку и, какъ ребятишки, радовалась елкѣ — Рождеству; на Великомъ посту говѣла и причащалась и, какъ ребятишки, чего-то боялась, когда за батюшкой повторяла — „Вѣрую, Господи и исповѣдую“ — и ужъ тоненько, совсѣмъ по-дѣтскому, словно и вправду была сущимъ разбойникомъ, выговаривала — „но яко разбойника пріими мя!“ — и, причастившись, на Страстяхъ стояла со свѣчкой, похорошѣвшая отъ огонька, и съ замеревшимъ сердцемъ, какъ ребятишки, ждала въ Пасхальную ночь, когда, обойдя вокругъ церкви, запоютъ Христосъ воскресъ!

— Такъ во что же вы вѣруете, Татьяна Спиридоновна?

Стараясь что-то сказать, что такъ не скажешь, Татьяна Спиридоновна улыбалась, потомъ глаза ея будто останавливались —

И было похоже:

такъ въ полѣ цвѣты цвѣтутъ, не скажутъ и не попросятъ, цвѣтутъ, красуютъ міръ — или звѣзды, когда ихъ много, тихо звенящія въ ночи, живыя, какъ слезы.

III

Вы помните, какъ въ началѣ войны всѣ наши городскія барышни и дамы, кому не лѣнь, записались въ сестры милосердія и на краткій часъ у всѣхъ была одна добрая мысль и одно желаніе.

Записалась въ сестры и учительница Грачева и не долго ждала, счастливо попала въ первый отправлявшійся отрядъ со цвѣтами и шоколадомъ.

Татьяны Спиридоновны не было въ Петербургѣ.

Изъ какихъ-то индійскихъ путешествій возвращалась она по загроможеннымъ мобилизаціей дорогамъ, съ какого-то пожара, который, какъ первая грозная вѣсть, жегъ въ то лѣто Россію.

А когда вернулась, въ краснокрестныхъ Общинахъ все было занято, и для простыхъ всякій пріемъ кончился.

Оставались Попечительства.

И всю осень вмѣсто лекцій вечерами бѣгала Татьяна Спиридоновна по всякимъ угламъ и комнатамъ, гдѣ безголовая тянула бѣднота и разореніе свою осиротѣлую жизнь, — у кого былъ мужъ, у кого былъ отецъ, у кого былъ братъ, у кого былъ сынъ на войнѣ.

Много ей было хлопотъ и все-таки умудрилась, поступила еще на какіе-то краткіе курсы и для практики дежурила ночи въ Обуховской больницѣ.

И одна была мысль:

Ѣхать ей, какъ товарка ея Грачева счастливая, на самую войну.

Кончивъ курсы, она обѣгала всякіе Союзы, отъ которыхъ зависѣла отправка сестеръ на войну, приставала чуть ли не ко всякому уполномочен-

ному, доходила до самых главных генераловъ, просила и молила.

И вездѣ ей отказывали:

не было у нея никакой руки и бумаги отъ Общины не было, а докторское свидѣтельство было сомнительно.

Самое большее сводилось къ обѣщаніямъ, ее записывали въ кандидатки, сулили извѣстить, но тѣмъ дѣло и кончалось.

А и вправду, какъ такуюпустишь — и въ чемъ душа и такое сердце...

Такъ и не добилась.

И тутъ, какъ это часто бываетъ, люди и самые благожелательные, не подумали...

Они были съ несомнѣнностью увѣрены, что самое страшное на войнѣ пушки, удушливые газы и кровь, и думали, что такое сердце порочное не выдержитъ этого страха, а главное крови, а не додумались, хоть объ этомъ и говорилось тысячу разъ, что есть большій страхъ, чѣмъ всѣ эти пушки, удушливые газы и даже сама кровь, и этотъ страхъ страшный — та неправда, по которой живутъ люди, та ложь, которая стравляетъ людей другъ съ другомъ, тотъ обманъ, который опустошаетъ живыя души и, главное, та безсовѣстность, про которую не знаютъ ни звѣри, ни

птицы, ни цвѣты, ни звѣзды, и которую не вынесеть такое сердце . . . порочное.

Татьяна Спиридоновна поступила въ лазаретъ волонтеркой.

Днемъ въ школѣ, послѣ обѣда въ лазаретѣ — такъ день за днемъ.

Думала: вотъ увидятъ, какъ она все дѣлаетъ, убѣдятся въ ея пригодности и на войну пустятъ.

Война смѣнила у нея и Индію и Швейцарію.

Татьяна Спиридоновна не притворялась — она никогда не притворялась, — она и въ лазаретѣ была той же самой, какой всѣ мы ее знали, и раненные ее полюбили, свою сестру усердную.

Это они ее такъ называли сестрой усердной.

Она говорила съ ними, какъ съ людьми, которыхъ постигло несчастье, какъ тамъ на голодѣ, чумѣ, тифѣ, холерѣ и на другихъ напастяхъ нашихъ — безъ которыхъ лѣто не въ лѣто и годъ не въ годъ — она называла ихъ по имени, обращалась съ ними и строго, и ласково, какъ въ школѣ съ ребятами.

И ей вѣрили и исповѣдывались ей, ея чистому сердцу, каялись въ тѣхъ грѣхахъ своихъ, совершенныхъ тамъ, на этой войнѣ, гдѣ, по слову простого же русскаго человѣка, нѣтъ ни совѣсти и Бога нѣтъ.

По веснѣ померла тетка-старуха.

Похоронила ее Татьяна Спиридоновна, на сырой могилкѣ крестъ поставила, упокоила старую, измытарившуюся въ жизни, въ хвори старуху.

А на похоронахъ сама простудилась.

Все перемогала — и въ школу, и въ лазаретъ ходила:

и ребятъ жалко оставить, и тамъ безъ нея плохо будетъ, привыкнули къ ней.

Но, видно свой чередъ не переступишь. А, вѣдь, раньше-то какъ хворала, и ничего, а тутъ свалилась —

И больше не поднялась.

И вотъ безбожная и безкrestная, проснулась она однажды не на Преображенской, а въ то-свѣт-номъ днѣ —

душа человѣческая,

сестра усердная, чтобы и тамъ, гдѣ нѣтъ печали и нѣтъ воздыханія, быть среди страждущихъ и мечтать о чудѣ, о раѣ, о правдѣ.

И неужто душа ея въ тьму сокroется и сердце ея погаснетъ?

Или и безкrestная, съ истиннымъ крестомъ
въ сердцѣ, тамъ расцвѣтетъ она сердцемъ, — какъ
цвѣты полевые, какъ звѣзды небесныя, радовать
необрадованныхъ и утѣшать безутѣшныхъ.

БОЖІЙ ЧЕЛОВѢКЪ

Выпала намъ счастливая доля побывать послѣдней мирной весной во славномъ городѣ Римѣ.

Спутники намъ попались добрые, оба молодые, нескучные и неискушенные, м о л о д ы е — мужъ съ женой.

Самъ Иванъ Николаевичъ — металлургъ-химикъ, полсвѣта на автомобилѣ объѣхалъ, а живетъ Иванъ Николаевичъ на Большой Охтѣ, какъ разъ у перевоза, машины всякія придумываетъ, да развлеченія ради охотой промышляетъ, русскій человѣкъ, настоящій, слова не сочинить, а загнетъ другой разъ такое, безъ сказа-примѣчанія мало кому изъ нынѣшнихъ грамотеевъ понятно, прямо съ жаровой кочки либо съ вешнихъ западинокъ изъ-подъ талаго снѣга.

По пути они помѣстились въ купэ съ нами и съ перваго же взгляда очень намъ полюбились, такъ вмѣстѣ до Рима и доѣхали. И тамъ вмѣстѣ исходили все седмихолміе. У Шишкова, бывшаго сибирскаго атамана, есть такой разсказъ о тунгусахъ, какъ два тунгуса попали изъ тайги въ городъ.

„Тутъ тебѣ, братъ, не тайга, живо заблудишься!“ — и давай черезъ заборъ махать.

Я всегда вспоминаю этихъ несчастныхъ тунгусовъ, когда случается впервые очутиться въ городѣ не-русскомъ.

И не будь въ рукахъ плана, ей-Богу, пожалуй тоже не миновать и мнѣ забора.

А съ планомъ я всюду, какъ слѣпецъ съ поводыремъ: выйдешь утречкомъ и пойдешь тихонько и всегда-то обязательно не въ ту сторону хватишь, загнешь порядочнаго крюку, да спохватишься, и ужъ будетъ! — больше ни почему не собьешься.

Такъ и въ славномъ первомъ городѣ Римѣ съ первыхъ-то шаговъ я ожегся и ужъ потомъ смѣло, какъ у себя дома, въ нашемъ родномъ Третьемъ Римѣ, водилъ я моихъ спутниковъ, самъ для нихъ, какъ планъ, поводырь мой.

И всего разъ попробоваль Иванъ Николаевичъ на свой страхъ одинъ пуститься, и не очень-то вышло.

А задумаль Иванъ Николаевичъ въ баню сходить, взялъ въ узелокъ бѣльеца себѣ — чистую перемѣну; рассказалъ я ему путь, какъ до бань ихъ самыхъ первыхъ римскихъ добратся, а онъ съ перепуту, вмѣсто бань, да и попади въ звѣринецъ.

И тамъ, на диковинъ всякихъ глазѣя, часть-то человѣчій положенный пропустилъ, схлынули посѣтители по домамъ изъ звѣринца, звѣринецъ — на запоръ, а звѣрей, слоновъ всякихъ, на прогулку,

ну, кого травку пощипать, кого такъ побѣситься, — ихъ, вѣдь, брату въ клѣткахъ очень скучно! — тотъ рычить, другой пищить, третій хвостомъ сучить.

И что же вы думаете, едва черезъ заборъ улепетнуль, да слава Богу, что только страхомъ отдѣлался, а то долго ли до грѣха, — и не въ осужденіе звѣрю говорю, — почему они Ивана Николаевича знаютъ? — попало въ пасть, не скажется, и готово!

II

Все пѣшкомъ ходили.

Какъ-то лучше по старой натруженной землѣ, по обитымъ камнямъ пѣшкомъ ходить: больше трудится, больше и видится.

Поклонились апостоламъ Петру и Павлу. Пробоваль я считать, сколько и у какихъ мощей лампадъ неугасимыхъ, но точно не помню: у Петра что-то очень много, до сотни, у Павла поменьше.

Были у Іоанна Предтечи на Латеранѣ: хранится тамъ столъ, на которомъ апостоль Петръ обѣдню служилъ. Заходили въ часовню, тутъ же сбоку отъ собора часовня, тамъ мраморная лѣстница, по которой лѣстницѣ Іисуса Христа великъ Пилату: на колѣняхъ по ней всходятъ и на каждой ступенькѣ молитву Господню творять.

Обошли мы всѣ святыни, полазили по катакомбамъ, накупили себѣ крестиковъ и пошли глазѣть по капищамъ ихъ и святилищамъ древнимъ и всѣхъ идоловъ пересмотрѣли, и царей, и мудрецовъ, и философовъ, и такъ — мужей римскихъ.

Ужъ съ высунутыми языками, а не пропустили мы ни одного музея, ни одного хранилища, и, какъ прошлись по вѣкамъ до самаго до нынѣшняго, порастрясли уны-лиры (тамъ куда носъ ни сунешь, давай уну-лиру!), да и отъ лепетуры и скульптуры, вотъ гдѣ стало! — стали просто ходить, куда взглянется.

Выпадетъ часъ, пойдешь среди дня на Форумъ, сядешь гдѣ на приступочкѣ —

Forum Romanum!

И до слезъ станеть.

Я все камушки собиралъ, и со священной дороги, по которой въ Колизей мучениковъ водили, голышокъ-камушекъ въ карманъ себѣ спряталъ, теперь у меня этотъ камушекъ на бѣлой полкѣ хранится у завѣтнаго ростовскаго креста.

III

Очень хотѣлось намъ то самое мѣсто на форумѣ разыскать, гдѣ Симонъ Волхвъ, препира-

ясь съ Петромъ передъ царемъ Тиверіемъ, поднялся съ помощью демоновъ на воздухъ и, по молитвѣ Петра, сверзился —

и разсѣдся на мелкія части.

По старымъ книгамъ мнѣ не случилось указаній находить, а спрашивали старичка, — старичекъ при входѣ въ сторожкѣ билеты продаетъ, — не понимаетъ.

Ну, долго мы бились и такъ по всякимъ догадкамъ нашли-таки уголокъ и поплевали на нечистое мѣсто.

Тутъ Иванъ Николаевичъ изловчился и хотѣлъ меня снять на нечистомъ мѣстѣ, да я присѣлъ во-время, такъ ничего и не вышло.

Возвращались какъ-то по старой Аппіевой дорогѣ...

Говорилъ мнѣ одинъ человекъ, спутникъ мой неизмѣнный, что на этой дорогѣ и всякое горе забудешь.

И вѣрно: оттого ли, что подъ памятниками много желаній въ землѣ покоится вмѣстѣ съ людьми, на тотъ свѣтъ ушедшими, либо ужъ такое мѣсто, благословенное, такъ бы и шель и ни о чемъ не думалъ до самыхъ горъ Албанскихъ.

Да, эти самыя горы Албанскія... впервые въ выговорѣ одного римскаго простеца намъ прозвучали не то какія-то мунтеръ-бани, не то амбары, и когда послѣ разспросовъ, догадокъ и всякихъ на умъ навожденій мы сообразили, нако-

нецѣ, что это такое за мунтеръ-бани, и такъ намъ стало весело и сроду еще не смѣялись такъ, ой, на всю-то дорогу, весело!

Шли мы по старой Аппіевой дорогѣ —

Теплый колосокъ пшеничный бережемъ на память!

Идемъ мимо мраморныхъ гробницъ и сѣраго камня, а округъ поле и въ полѣ маки и какія-то пичужки пересвистываютъ.

Зашли по пути къ Севастьяну-мученику, постояли немного, — въ церкви прохладно. Выходимъ, — ужъ думали, либо къ царю Карракалѣ въ Красныя Термы, либо прямо на Испанскую площадь въ Греческую кофейню, гдѣ Гоголь любилъ сиживать, — и видимъ, откуда ни возьмись монашекъ: стоитъ монашекъ, на насъ улыбается и пречудной такой, на крокодиленка похожъ.

Иванъ Николаевичъ за аппаратъ, а монашенокъ, не тутъ-то, — прячется и самъ рукой что-то показываетъ — пантомиму разыгрываетъ.

И немало мы съ нимъ возились: и ужъ какой проворный, совсѣмъ наставимъ, — хватъ и увильнулъ, а самъ такъ пугливо смотреть и все улыбается, ну, вылитый крокодиленокъ, шкурка коричневая.

Что будешь дѣлать, силой невозможно.

И провѣщался вдругъ монашенокъ:

— Намъ, — говорить, — не годится, старшіе тутъ, а я самъ — служба.

Ну, мы страшно обрадовались. Слово-за-слово, и разговорились. Разказали ему, гдѣ были,

что видѣли и какая это дорога старая Аппіева — не находишься по ней, не нагуляешься! — и про мунтеръ-бани рассказали, и какъ намъ было весело и какъ мы смѣялись.

Колось ему съ поля, еще теплый, поддержать дали.

— Бережемъ на память!

— А у Алексѣя Божья человѣка были?

— Какъ у Алексѣя?

— Да какъ же, на холмѣ Авентинскомъ тамъ его и мощи.

Тутъ я только и вспомнилъ.

„Вотъ, — думаю, — дуракъ-то! Симона Волхва искалъ нечистое мѣсто, да еще, Богъ знаетъ, можетъ, не туда и плевали, а къ нашему Алексѣю Божьему человѣку и не удосужился... забылъ!“

Монашенокъ на минуту зашелъ за уголь церкви, видимъ, съ какимъ-то тоже служкой пошептался и бѣжить назадъ.

— Какъ же, въ тысяча двѣсти шестнадцатомъ году нашли его могилу на холмѣ Авентинскомъ! Пойдемте, я васъ проведу.

Поблагодарили мы монашка и за нимъ — —

IV

Вель насъ монашекъ какими-то закоулками и переулками — въ моемъ планѣ не обозначено —

мимо вала, мимо насыпи, мимо каменныхъ стѣнъ, мимо прохладныхъ садовъ и все рассказывалъ и про царя Онорія, и про папу Иннокентія, во времена котораго царя и котораго папы жилъ на землѣ Алексѣй Божій человѣкъ, у своего родителя Евреміана римлянина.

Иванъ Николаевичъ что-то недовѣрчиво прислушивался: слыхалъ онъ отъ слѣпцовъ, будто почиваютъ мощи въ Іерусалимѣ.

— Въ Іерусалимѣ въ церкви Матери-Богородицы, а несли ихъ изъ Рима три дня и три ночи.

Но монашенокъ зналъ все доподлинно.

— Въ Римѣ, въ соборной церкви у Нифантія чудотворца!

И спорить съ нимъ все равно по-пусту.

Ужъ дневная теплынь перемѣнилась въ вечеръ, и легка намъ была дорога.

Тутъ на полпути въ родѣ чудеснаго было намъ знаменія: пали намъ подъ ноги, неизвѣстно откуда, двѣ зеленныя вѣточки.

И всѣхъ больше вѣточкамъ нашъ монашекъ обрадовался: ужъ такъ радъ былъ, что и сказать невозможно.

А я скажу, только виду не показалъ, другой-то служба по верху по горѣ шелъ, да эти вѣточки на дорогу и кинулъ.

Такъ съ чудесными вѣточками и дошли мы до соборной церкви Нифантія чудотворца, до Алексѣя Божья человѣка.

Все думали свѣчку поставить, да за позднимъ временемъ въ церковь ужъ не пускали.

Ну, походили мы около, во дворъ вошли . . .

Вотъ тутъ стояли каменные палаты съ частыми переходами, жилъ въ палатахъ князь Евтимьяній съ княгиней своей Аглавидою, а вотъ подклѣтъ, куда повели послѣ вѣнца Алексѣя и царевну Катерину, дочь царя Никанора, и вотъ изъ этихъ воротъ ушелъ Алексѣй въ ту ночь во второмъ часу отъ молодой обрученной жены. А на лѣвой рукѣ отъ каменныхъ палатъ теплая поварня, а тамъ вонъ помойная яма и у помойки — келья: тридцать и три года жилъ Алексѣй въ этой кельѣ около отца, около матери, жены любимой, никѣмъ не узнавъ.

И эта земля, по которой ходилъ онъ, и эта земля по которой онъ вышелъ на вольное терпѣніе — въ страдѣ Господень.

Стали мы на колѣни.

— — — — —

И вспоминаю я . . . Намъ простымъ, немудрымъ ничего-то не было открыто, и какая крова-

вая бѣда шла на весь міръ и какое страдное терпѣніе насъ ожидаетъ.

Стали мы на колѣни, въ землю поклонились — за всю русскую землю, за весь міръ.

ПЕРЧАТКИ

По случаю войны законъ Божій отмѣнили...

— Теперь война, уроковъ закона Божьяго не бываетъ: батюшка больше не ходить!

Такъ отвѣтила Тоня, когда Анна Семеновна, мать Тони, ей замѣчаніе сдѣлала, почему законъ Божій не учить, и книжка по полу валяется.

Родители Тони держали мастерскую: дѣлали они искусственныя ноги и руки.

Отецъ, занятый своей мастерской, за недосугомъ мало обращалъ вниманія, Анна же Семеновна слѣдила за дѣвочкой и, какъ женщина набожная, немало было смущена неподобнымъ отвѣтомъ, но возразить ничего не могла, какъ не возражала сосѣду лавочнику, который за все бралъ втридорога, ссылаясь на военное время.

По случаю войны законъ Божій отмѣнили!

Живая и понятливая, черненькая, любила Тоня погулять, для чего и пускалась на всякія выдум-

ки. Лѣтомъ нынче ей исполнилось десять, и второй годъ, какъ училась она въ городской школѣ, и шла хорошо, — понятливая.

Какъ-то въ морозы, о которыхъ у питерцевъ надолго останется самая баснословная память, Тоня прибѣжала домой такая оживленная, веселая и въ новенькихъ теплыхъ перчаткахъ.

— Откуда это у тебя, Тонечка?

— На Разъѣзжей нашла!

И весь вечеръ Тоня ничего не дѣлала, — примѣряла перчатки.

Анна Семеновна повѣрила: рѣдко, конечно, а бываетъ, — находятъ и деньги, и золото. Вонъ тотъ же сосѣдъ лавочникъ Ряхинъ, какъ-то будучи по дѣламъ въ Пензѣ, на базарной площади ночью большущій ящикъ нашель и съ документами, едва до дому дотащилъ!

Дѣла въ мастерской шли прекрасно, заказовъ прибывало и хорошо платили, словомъ, во всемъ была удача.

И съ войной Пугавкины вздохнули, — или говоря по другому, — все то, что въ обычное время вызываетъ гадливость и ужасъ — шпіонство, калѣченье, убійство и разореніе — стало для нихъ благодѣяніемъ. И Анна Семеновна благодарила Бога.

А какъ разъ въ ту же пору, какъ разъ въ морозы пропали перчатки у Тониной подруги Сони.

Пришла Соня въ училище въ перчаткахъ, а какъ уходить домой, хватилась, нѣтъ нигдѣ перчатокъ.

И за это дома досталось Сонѣ.

Соня жила съ матерью, отца не было, мать напульсники и набрюшники вязала, этимъ и жили, и хоть съ войной заработокъ былъ больше, да все на провизію уходило.

По теперешнему времени, знаете, бѣдному люду хоть волкомъ вой, и этого никогда не поймутъ имущіе и за непонятливость свою — придеть срокъ! — горько попеняють на себя.

Сонина мать этихъ самыхъ проклятушихъ перчатокъ, — вѣдь, новенькія, сама вязала! — никакъ не могла забыть Сонѣ.

Прошли морозы и не такъ уже надобились перчатки — у ребятишекъ кровка живая, — не мы, — безъ лёдя, холода они не очень боятся, самъ Холодъ Холодовичъ ихъ бѣготни боится! — и съ голыми руками проходила бы до весны Соня, а какъ она обрадовалась, когда случайно увидѣла свои перчатки.

— Это мои! Мои! — отъ радости кричала Соня и тормошила Тоню.

— И не твои, а мои! — отбивалась Тоня.

И какъ ни увѣряла Соня, что перчатки ея, не Тонины, Тоня стояла на своемъ.

Ни увѣрить, ни доказать Соня не могла, да и невозможно: мало ли перчатокъ одинаковыхъ, не на одну руку вяжутся, а на тысячи, и фасонъ одинъ!

Дома рассказала Соня матери.

Ну, мать узнаеть, та не ошибется, еще бы: своя работа!

На другой же день, захвативъ съ собой всякихъ напульсниковъ, связанныхъ изъ той же самой шерсти и такими же рядами, какъ и перчатки, отправилась Сониная мать въ училище.

Тамъ, въ раздѣвальной, вытащила она у Тони изъ кармана перчатки, сличила — онѣ самыя! — и съ доказательствомъ въ рукахъ прямо къ учительницѣ.

Учительница велѣла прежде всего перчатки положить на мѣсто. И вызвала къ себѣ Тоню.

— У тебя есть перчатки?

— Есть.

Тоня вдругъ покраснѣла.

— Гдѣ ты ихъ взяла?

— Нашла на Разъѣзжей.

И сколько учительница ни уговаривала Тоню, сколько ни убѣждала во всемъ сознаться, Тоня одно твердила:

— Нашла на Разъѣзжей.

— Не сознаешься, я скажу твоей матери!

Тоня молчала.

— Я скажу передъ всѣмъ классомъ, что ты украла!

И Тоня созналась, — только такая угроза и послѣдняя подѣйствовала.

Тоня созналась: она взяла перчатки у Сони.

— Зачѣмъ же ты взяла?

— Понравились.

Перчатки были отобраны у Тони и переданы Сонѣ.

Грустная пошла домой Тоня: нѣтъ у нея больше любимыхъ перчатокъ!

А вскорѣ послѣ судилища учительница вызвала къ себѣ Анну Семеновну и ей все рассказала о Тонѣ, какъ взяла Тоня чужія перчатки, и что за дѣвочкой надо присматривать.

Анна Семеновна не хотѣла вѣрить —

— Вѣдь у Тони свои есть хорошія и еще однѣ есть, и незачѣмъ ей было у другихъ брать!

Потомъ повѣрила.

Учительницѣ она ничего не сказала, и отцу не сказала, и Тоню не попрекнула.

Она вспомнила, что ей еще въ началѣ осени говорила Тоня о законѣ-то Божьемъ, и, какъ женщина набожная, все поняла и покорилась.

.....

ТАТЬ И ПАУТИНА

Шель я отъ Спаса Колтовскаго съ тѣсныхъ Колтовскихъ, напоминающихъ Парижъ —

Думалъ по дорогѣ себѣ хлѣба купить, да куда ни сунусь въ булочную, нипочемъ не проткнешься: и часть былъ такой, да еще и суббота, а нынче проучены и про запасъ берутъ.

Шель я съ пустыми руками —

Очень снѣжно было и скользко, и когда вышелъ на Каменноостровскій, совсѣмъ уморился.

Уморились и ребяташки, — тащились ребяташки, какъ загнанные коньки, вразсыпную, плечомъ ранецъ поддерживали: видно, не ближній конецъ и еще до дому — языкъ высунешь.

У остановки трамвая противъ аптеки перебѣжали они съ тротуара къ трамваю, но, сколько ни тянули свои тоненькія руки, трамвай биткомъ набитый ушелъ.

А, должно быть, по пути имъ не мало было такихъ остановокъ и все вотъ такъ, — нынче, вѣдь, и большому-то, не всякій воткнется.

Тащились ребяташки куда-то въ Новую Деревню, поддерживали плечомъ ранецъ.

И я за ними.

А тутъ, какъ Силинъ мостъ перешли, за Карповкой вижу сразу переѣзна: словно бы по уговору бросились они съ тротуара.

Неужто опять къ остановкѣ?

Порожнемъ, стоя на саняхъ, шагомъ ѣхаль ломовой, покручиваль возжами.

— Подвези, подвези! — кричали ребяташки.

И самый изъ всѣхъ маленькій впереди всѣхъ ужъ пригнулся, протягивая къ санямъ тоненькую руку —

Я слѣдилъ: гадалъ за нихъ.

„Подвезетъ? Нѣтъ, конечно, нѣтъ, хуже: вотъ возьметъ, да возжей... да какъ возжей хлестнетъ!“

И отъ одной мысли мнѣ стало жарко.

Такъ и есть: назадъ — какъ попало — ужъ бѣгутъ! — тотъ, самый маленькій, сзади весь въ снѣгу.

Въ Новую Деревню поѣхаль ломовой, — попутчикъ.

Ну, чтобы подсадить, не велика кладь; да вы посмотрите, едва плетутся, и лица нѣтъ, а у другихъ и не отъ мороза горить лицо!

Не дошли до Песочной — на Песочной остановка трамвая — и опять перемѣна.

— Подвези, подвези! — сорвались ребяташки, бѣгутъ за коляской.

Коляска-ландо: пожилая дама съ дѣвочкой, а у лакея медали.

„Или не подвезетъ? — гадаю, — нѣтъ, мѣста въ коляскѣ довольно: усядутся.“

— Подвези, подвези! — кричали ребяташки.

Дама что-то говоритъ лакею. Кучеръ остановилъ лошадей.

И какъ тамъ, у трамвая, потянулись къ коляскѣ тоненькія руки —

И я остановился.

И опять мнѣ стало жарко —

Ну, слава Богу!

А какъ они были рады, и дѣвочка въ коляскѣ смѣется...

Нѣтъ, не такъ, все это не такъ было.

Ломовикъ на этотъ разъ вовсе не хлестнулъ ребяташекъ, онъ только погрозилъ и погналъ лошадь, а дама въ коляскѣ, какъ ни просили, приказала лакею подогнать лошадей, и кучеръ пріостановился, и вотъ погналъ, какъ ломовикъ.

Скучные и запаренные плелись ребяташки, — тоненькія руки, какъ плетки.

Въ Іоанновскомъ монастырѣ московскимъ звономъ ударили къ вечернѣ.

И я вспомнилъ про Іоанна Кронштадтскаго, потому ли, что звонили съ его могилы, потому ли, что ребятишекъ онъ очень любилъ, и глаза его, какъ у дѣтей, свѣтили, — я вспомнилъ, что изъ дѣтства на всю мою жизнь осталось, его молитву:

„Пресвятая Богородица, спаси насъ!“

Какая необыкновенная сила и настойчивость вѣры: онъ не просить, не молить, а какъ требуетъ: вѣдь, если и Она не услышитъ, никто не услышитъ —

Я иду въ часъ гулянья по Каменноостровскому —

Изъ головы не выходитъ кѣмъ-то когда-то сказанное не о насъ, не о нашихъ судныхъ дняхъ и такое отчаянное.

Громыхаетъ, свиститъ, шарахаетъ, а я слышу и въ автомобиляхъ, и въ грузовикахъ, и въ трамваѣ, и въ дешевой ухарской музыкѣ съ катка одно:

— тать и паутина! —

Я иду по одной сторонѣ и не смѣю перейти отъ автомобилей, грузовиковъ, трамвая. Смотрю — какія! какія лица!

А въ ушахъ визжитъ:

— тать и паутина! —

И мнѣ представляется и такъ отчетливо вся эта сутолока — суматошная жизнь насыщеннаго

кровью Петрограда, громыающаго отъ Лопухинскихъ воздушныхъ мачтъ, завывающей Искровки до голубыхъ минаретовъ и Троицкаго пожарища. И всѣмъ существомъ я чую законъ этой правдошной, безъ сказокъ и сочиненій, чело-вѣческой жизни.

Такъ вотъ оно, вотъ эта несчастная капля чело-вѣчества, высокомѣрно отгораживающагося отъ звѣря, — звѣрье съ чело-вѣческими громкими псевдонимами — крестными именами!

Я спрашиваю:

— Какое же отличіе этихъ чело-вѣковъ отъ звѣрей?

— Да одна отлика, — отвѣчаетъ кто-то тихо-нко, ко всему претерпѣвшійся, — они всѣ небритые, а люди, самъ видишь!

И вижу, какъ сквозь сонъ, — или мнѣ снилось когда-то!

Есть въ мірѣ среди звѣрей звѣри, достигнувшіе чело-вѣка, — какая жуть! какая жуть, какое проклятіе чело-вѣку во звѣряхъ среди братьевъ звѣрей и сестеръ звѣрицъ и звѣрнаго брата летающаго, и книжнаго разумнаго чело-вѣчества!

— тать и паутина!

— тать и паутина!

Громыааетъ, свиститъ, шарахае-тъ.

А что же потомъ? Лопухъ? — — ?

Послушайте, не въ лоно же Авраамово, по-коище душъ, поидетъ душа, осмердившая и не себя только, а вотъ это все —

Или представьте человѣческій крестный псевдонимъ и съ нимъ самое откровенное и самое страшное въ мірѣ глухое безсовѣстье рядомъ, ну, съ тѣмъ же Василиємъ Блаженнымъ, перемучившимся совѣстью, вольно принявшимъ всѣ униженія міра отъ своей совѣстливости.

— тать и паутина! —

Въ Іоанновскомъ монастырѣ отзванивали къ вечернѣ.

Я перешелъ на ту сторону и повернулъ на толкучій Большой проспектъ.

Иду, всѣмъ сторонюсь, — все равно.

И вижу, впереди какой-то и съ нимъ дѣвочка, за руку ее ведетъ.

И сталъ я всматриваться, и что-то знакомое показалось мнѣ.

Одѣтъ онъ былъ плоховато, сгорбленный, и еще горбился, кашляя, а кашлялъ такъ, привычно, — хроническій бронхитъ, подумалъ я. Но гдѣ же это я видѣлъ его?

И все припоминаю и не могу вспомнить. Служить онъ? — Или грѣхъ какой вышелъ, вѣдь, такихъ уличить дѣло очень простое. А можетъ, и ничего не было, мало ли, и безъ такого на улицѣ очутишься...

Одно скажу: когда бѣдность задавить, сколько тебѣ соблазновъ, и не понять никогда имущимъ и только они одни не простятъ никогда.

А куда онъ идетъ? И дѣвочка съ нимъ? Мать захворала? Матери что-нибудь купить надо? Можетъ, попросила она, знаете, какъ въ болѣзни бываетъ, лимона хочется, вотъ и пошли...

Онъ нагнулся, что-то говорить дѣвочкѣ.

— Послушайте! — кто-то окликнулъ.

Я обернулся: какая-то женщина не молодая ужъ, просто одѣтая, такъ семейныя ходятъ, у которыхъ заботы и много всякаго домашняго, а лицо открытое — русское.

— Послушайте! — она помахала рукой.

И тотъ, знакомый-то, тоже обернулся.

— Послушайте, что я вамъ хочу сказать, — это она къ нему, не мнѣ, — я вашей дѣвочкѣ пальто дамъ.

Тутъ только я замѣтилъ, въ чемъ была эта дѣвочка: пальтецо на ней плюшевое лоснилось, словно подъ утюгомъ, выжженное, и лишь по краямъ лысины чуть-чуть еще лиловое.

— Я тутъ близко на Полозовой живу, — сказала та женщина.

Знакомый мой поклонился: онъ готовъ сейчасъ же итти на Полозову.

И я увидѣлъ въ глазахъ у той женщины — —
Ея глаза были полны слезъ.

И мы стояли вчетверомъ и не двигались съ мѣста.

Я хотѣлъ ей сказать, ну что-нибудь такое за всѣхъ, за все...

Да такъ и пошелъ. Назадъ — домой, на Каменноостровскій.

Смеркалось, фонари зажигались рѣдкіе между темныхъ пустыхъ фонарей.

И я не шелъ, а будто летѣлъ въ густомъ воздухѣ, не попирая земли.

И въ сумеркахъ видѣлъ я, никого не пропуская, каждого въ отдѣльности отъ перваго до послѣдняго —

я отличалъ каждого, и во всякомъ, свое и разное, свое горе, свою бѣду, свое несчастье, отъ перваго до послѣдняго —

я видѣлъ, чего раньше никакъ не могъ замѣтить, и вотъ открылось въ сумеркахъ въ свѣтѣ, наливавшемся въ густомъ воздухѣ, въ свѣтѣ, поднявшемъ меня отъ земли.

ДНЕСЬ ВЕСНА

Первые — гришки, какъ закурещаютъ борода-
тые, и на ракитѣ, въ зиму сѣрья, побурѣютъ вѣтви.

А девятого марта летитъ черногузъ. И хотъ
что хочешь: морозъ, снѣгъ... — девятого марта
черногузъ о б я з а н ъ прилетѣтъ!

Бурыя, маслятса вѣтви, краснѣютъ.

Тополь не тронь, запачкаешься о почки: смола
пошла.

Вотъ пойдетъ подѣ землей кротъ преткновен-
ный, загорбитъ лугъ. Яркимъ золотомъ зацвѣтетъ
въ лѣсу орѣшня — золотыя свѣчи. И кустится
надъ пашнею паръ.

Хорошо, когда поздняя Пасха, когда сырую
землю коврить мурава, и шумитъ на пасѣкѣ Бо-
жій звѣрекъ.

Кончится вечерня — разъ она въ году такая,
— не такая, можжевеловая. Зайдутъ на клад-
бище къ бабушкѣ —

„Бабушка Ерміонія, Христось воскресел!“

Бабушка услышитъ, обрадуется и засинѣетъ
ея могилка.

Наигралось, заходить солнце.

Въ распускныхъ бѣлыхъ платкахъ по муравъ
съ пѣніемъ возвращаются сестры домой.

Изникаетъ закатъ — темь заряная,
изникаетъ красный пасхальный свѣтилень.

А глаза — Днесь весна! —
голубиныя,
а губы — Днесь весна! —
крестныя.

днесь весна благоухаетъ
и радуется земля...

Какая-то вертихвостка изъ сестръ милосердія
на углу Литейнаго пересѣкла дорогу Андрею
Павловичу.

И вотъ широкая бѣлая косынка ея, эта бѣлая
косынка и напомнила ему распускну бѣлый пла-
токъ сестръ, мураву, пасхальную вечерню, бабушку
Ерміонію и цвѣтной свѣтилень стариннаго распѣ-
ва. Разъ Андрей Павловичъ слышалъ на майской
обѣднѣ въ Парижѣ, ну, какъ будто такое что-то,
только слова другія, не весну, величали Божію
Матерь, и тогда, какъ и сію минуту, глаза его
вдругъ расширились, видя давно ушедшее — без-
возвратно.

Андрей Павловичъ шелъ по Невскому.

Куда же итти ему, бездомному, въ Свѣтлый
день —

Куда намъ всѣмъ итти за пасхальную вечерню въ Свѣтлый день?

Въ Невскую Лавру шель онъ на большую русскую могилу.

Было тепло и сухо, чуть подпыливало — невискій покручивалъ вѣтерокъ.

Но это не мѣшало ни нарядности, ни нарядженности: и безъ того животворящая рядить и красить весна, а тутъ еще по военному времени точно взбѣсились всѣ, и только трамваи, и флаженные — красное, синее, бѣлое, а не могли они скрыть своей замуслеванности и изношенности и безнадежїа.

И самъ Андрей Павловичъ страшный, небритый — пошелъ было въ парикмахерскую, ждалъ-ждалъ, да такъ о ушелъ — щетинистый, и онъ, какъ трамвай некузовый буднилъ праздникъ.

Вызванное къ жизни безвозвратно ушедшее проходило въ его памяти своимъ чередомъ.

Еще озеро не совсѣмъ открылось и широкое плесо льдомъ покрыто и развѣ въ ночи не разомкнетъ ли вѣтромъ.

Еще не пахано, только для пробы немного гороху посѣяли.

И корму для скота нигдѣ не видать.

Ждутъ травки съ нетерпѣніемъ.

— Ждемъ травки съ нетерпѣніемъ! — промывчалъ Андрей Павловичъ.

Какой травки?

Городской лазаретъ № 106.

Андрей Павловичъ вынулъ папироску, закурилъ.

Бабушка Ерміонія — Россія, въ чистотѣ державшая старую русскую вѣру, Огненная Россія, Послѣдняя Русь — бабушка, ты не узнала бы Андрея, внука своего, а помнишь, приходилъ къ тебѣ въ праздничной голубой рубахѣ съ серебрянымъ поясомъ, тонкій, какъ березка, помнишь, съ сестрами-то на твою могилу...

Страшный, небритый, въ кепкѣ автомобильной, съ папироской идетъ онъ, какъ нечистый, надъ головами прохожихъ дымъ пускаетъ — —

А луга понаты водой и въ лѣсу отъ корней мохъ поползъ...

Андрей Павловичъ остановился и стоялъ, раздвывая широченными ноздрями, овѣянный запахомъ знакомыхъ цвѣтовъ.

Ну! На тротуарѣ стоять не полагается. Вспомни скорѣе и дальше. Вспомнилъ?

„Господи, а какъ же по отчеству, какъ же это, неужто я и забылъ! Мать — Мамельфа, на Бабу-Ягу похожа, а какъ старика-то Федотова? Лида, Лидія... — и чуть не крикнулъ, — Ильинишна! Лидія Ильинишна!“

И ему стало вдругъ до того ясно, до того отчетливо, и ужъ больше не замѣчалъ онъ на своей шумной дорогѣ: ни голубыхъ безшумныхъ автомобилей новыхъ расжившихся на войнѣ богачей, ни шуршащихъ дамскихъ клошей — въ два ряда колокольчикомъ, ни нѣжнѣйшихъ паутинокъ, ни лазаретовъ.

II

Вечеръ на третій день Пасхи.

Старый Федотовскій домъ, темный, съ переходами и чуланчиками.

Въ залѣ пасхальный столъ. Отъужинали. Всѣ большіе, старики, дяди и тетки, и только онъ, да Ильюша Федотовъ и то потому, что они гимназисты шестиклассники.

А Лиду спать отправили — Лида на годъ моложе брата, гимназистка.

Что-то скучно показалось, вотъ и задумалъ, пройтись ему наверхъ въ Ильюшину комнату, такъ посидѣть одному.

Вышелъ и запутался по темнымъ переходамъ, наскочилъ на зеленую черничку — въ чуланчикѣ

по лѣстовкѣ молилась, это за душу старика, должно быть, грѣхи его замаливала.

Ощупью пошелъ дальше, — ужъ все равно было, куда ни приведетъ. Толкнулъ дверь. Переступилъ.

И очутился въ низенькой комнатѣ.

Чуть свѣтикъ отъ лампадки — Лида.

Ну, какъ во снѣ: Лида въ голубой кофточкѣ и волосы распущены — овсяные.

И точно ждетъ его —

— Лида!

И тихо, какъ вѣточки, легкія руки положила она ему на плечи.

И они стояли такъ.

А глаза — Днесъ весна! —

голубиные,

а губы — Днесъ весна! —

крестныя.

днесъ весна благоухаетъ
и радуется земля...

Пѣли внизу, подымался изъ залы цвѣтной свѣтилень.

Сердце стучало —

въ ночь! подъ звѣзды! къ звѣздамъ!

сердце стучало —

такъ шель бы и шель...

на костеръ.

Лида вдругъ отвела руки.

И онъ остался одинъ.

Чуть свѣтикъ отъ лампадки, ну, какъ во снѣ.

И на всю-то жизнь помнить, какая горечь
охватила тогда душу.

— Ли-да! — покликалъ кто-то: въ коридорѣ
черничка, должно быть, за душу-то въ чуланчикѣ
которая зеленая молилась.

И ровно стѣна стала, вотъ замуруетъ.

— Лида!

Лида вздрагивала вся — или испугалась?

— Тише! Веренея ходить...

И глаза ея, чего они молили? и о чемъ горь-
ковали? — Днесъ весна! —
голубиные —

днесъ весна благоухаетъ
и радуется земля...

Пѣли внизу цвѣтной свѣтиленъ стариннымъ
распѣвомъ Огненной Послѣдней Руси и римскихъ
катакомбъ Севастьяна-мученика.

Нѣсколько разъ мелькомъ видѣлъ ее въ Мо-
ленной.

Потомъ какъ-то встрѣтилъ на улицѣ: шла изъ
бани съ Веренеей.

Думаль онъ о ней? Нѣтъ. А она, вспоминала ли? И не вспоминала.

И только, когда начинали пѣть третью славу третьей каѳизмы :

„Боже, Боже мой, вонми ми, вскую остави мя далече . . .“ —

горечь неутолимая впивалась ему въ сердце, и такъ бы и сжегъ все, и ушелъ, куда глаза глядятъ.

Ужъ въ восьмомъ классѣ, какъ-то на масляной, попалъ онъ къ Ѳедотовымъ. Много было своей молодежи — и гимназистовъ, и гимназистокъ. Большіе не мѣшали — отецъ уѣхалъ въ гости, а мать — Баба-Яга — побывала немного и ушла на свою половину, и только одна Веренея-черничка съ лѣстовкой, какъ истуканъ, сидѣла за самоваромъ, зеленая.

Затѣяли игру въ Оракула.

И почему-то Оракулъ долженъ былъ предсказывать судьбу не на людяхъ, а въ сосѣдней заставленной комнатенкѣ, и къ нему по очереди входили, какъ на исповѣдь.

А была Оракуломъ Лида.

И когда пришла очередь итти къ ней, вдругъ запрыгало его сердце, а вѣдь ничего онъ не чувствовалъ, не думаль, не вспоминаль.

И, что странно, Веренея куда-то скрылась. Лида сидѣла, покрытая платкомъ : онъ долженъ

дотронуться до ея головы, и она ему судьбу его скажетъ — такая игра.

И лишь только онъ коснулся ея, она узнала —

Сбросила она съ себя платокъ, поднялась — и смотрѣла въ глаза ему и такъ, точно прощалась — теперь ужъ на всю жизнь! — и тосковала — и это такъ, какъ ты родился, и такъ, какъ умрешь, безповоротно.

— Ли-да! — окрикнулъ кто-то за дверью.

Она проворно закрылась и опять сѣла.

И видно было и черезъ платокъ, какъ вздрагивала вся.

— Что вы такъ долго? — стучали въ дверь.

— Лида!

И голосъ его звучалъ, какъ съ того свѣта: она его слышала и не вѣрила, слышала и плакала неутолимо.

— Вы были сорокъ пять минутъ! — сказалъ ему въ дверяхъ какой-то дожидавшійся очереди гимназистъ.

Но ему все равно — какъ замурованный! — и только сердце, только немудрое сердце, рвущееся въ неутолимой тоскѣ:

„Боже, Боже мой, вонми ми, вскую остави мя далече...“

Больше онъ ее никогда не видѣлъ.

Сдышаль, что гимназію не кончила, вышла замужь, дѣти пошли, живеть богато.

Такъ и кончилось, наступила жизнь житейская.

III

Андрей Павловичъ человѣкъ мудреный.

Говориль онъ мало и рѣдко, но всегда что-нибудь такое, сразу и не сообразишь. Какимъ-то двумъ дамамъ, пристававшимъ сказать имъ особенное, предсказаль смерть: сказалъ, громомъ убьетъ — и убило, обѣ въ одинъ годъ померли.

А помните, заграничную знаменитость чествовали, Дуэа что ли, еще въ газетахъ послѣ много писали?

Это Андрея Павловича изобрѣтеніе.

Заѣхала въ Питеръ знаменитость, и надо было такъ ее принять, чтобы во-вѣки восчувствовала. А все, что предлагали, — обѣдъ, вѣнки, сервизы — было слишкомъ незначительно и совсѣмъ не отвѣчало ни чувству, ни лицу. Вотъ тутъ-то Андрей Павловичъ и присовѣтоваль: безъ всякихъ вѣнковъ, безъ всего выступить всѣмъ дружно и замереть — духъ, молъ, захватило, ни словъ, ничего нѣтъ. Понравилось. Да такъ и сдѣлали, охотниковъ нашлось сколько хочешь. И вы представляете, что это было? Знаменитость мало того, что обидѣлась, а и на-смерть перепугалась

— одинъ Андрей Павловичъ чего стоитъ съ за-
меревшимъ-то духомъ!

Тоже вотъ случай, о которомъ вся Москва говорила и театральная и литературная.

Завелся у Андрея Павловича солитеръ. И такъ и этакъ пробоваль извести, да проклятый крѣпко засѣлъ, ничѣмъ не вытуришь и, что ты тамъ не дѣлай, вылѣзть не хочетъ. И ужъ охота пропала возиться — положился на судьбу: придетъ срокъ, самъ уберется безо всякихъ.

Да такъ оно и вышло, пришелъ, значить, срокъ, и сталъ онъ по-маленьку выходить: сначала отрывками, потомъ пошло лентой, только мотай!

А жилъ Андрей Павловичъ въ меблированныхъ комнатахъ на Бронной и сами понимаете, засиживаться въ одномъ мѣстѣ не очень удобно всякому хочется, постоянно стучать.

Стучать — а онъ знай себѣ мотаетъ — мотаетъ и мотаетъ — сажень тридцать этакъ смоталь. Ну, а нужда-то просить, такой стукъ не дай Богъ. Что дѣлать? Не отворить невозможно, отворить же — случая жалко: вберется назадъ, жди еще когда!

Андрей Павловичъ взялъ газету, не успѣвъ еще какъ слѣдуетъ прочитать, на вечеръ берегъ, сегодняшнюю Русское Слово — да газетой его узломъ и скрутилъ. И вышелъ. Думаетъ, сосѣда пропушу и опять за работу! Думаль, вымотаетъ еще сколько, а потомъ головка выйдетъ и ника-

кого слѣда не останется. И только это сосѣдство кончилось, мѣсто опорожнилось, иди опять продолжай, иди по коридору знакомый: какъ разъ Андрей Павловичъ и нуженъ — требуютъ немедленно въ театрѣ! Андрей Павловичъ служилъ въ театрѣ режиссёромъ — дѣло сурьезное и не итти никакъ нельзя. И пошелъ. Одѣлся и пошелъ. А изъ театра на обѣдъ. А съ обѣда опять въ театръ на спектакль. И такъ до утра. И дома спать легъ. А на утро схватился — и нѣтъ ничего, чисто, ускользнулъ, проклятый, и газету съ собой упёръ, цѣлое, вѣдь, Русское Слово! Григорія Петрова статья, помнить, еще Яблоновскій, кажется — все съ собой вобралъ.

Да, Андрей Павловичъ Бураковъ, дѣйствительно, мудреный.

Андрей Павловичъ свой собственный маленький язычекъ проглотилъ.

Дружилъ онъ съ одной египтянкой — и вѣдь надо же такое придумать, изъ самаго Египта фараонова въ циркѣ Чинизелли тутъ наѣздницей служила. Какъ-то послѣ представленія повезъ онъ эту египтянку свою въ ресторанъ ужинать, выпилъ холоднаго пива и простудилъ горло. Першить и першить и ровно куда тамъ бумажка прилипла и никакъ не отлипаетъ, а глотать ничего. И не обратилъ вниманія, ну, послѣ ужъ, посоветовали, смазалъ іодомъ, и больше не беспокоило.

А въ одинъ прекрасный день, сидимъ съ нимъ за самоваромъ — лѣтнее время, пить хочется — налилъ я ему стаканъ, а онъ, чтобы подождать, нѣтъ, какъ горячаго-то глотнетъ, да съ чаемъ, видно, и проглотилъ: туда-сюда — нѣтъ язычка.

Къ зеркалу — нѣтъ его нигдѣ.

Взялъ я лупу — чисто.

Ну, былъ язычекъ и нѣтъ, Богъ съ нимъ, только вотъ бѣда — голосъ пропалъ. Первое-то время очень ему тяжело было, потомъ по привыкѣ.

И женился Андрей Павловичъ по-чудному: вѣнчался въ калошахъ.

И оттого ли, что въ калошахъ вѣнчался или это Русское Слово причина, съ Григоріемъ Петровымъ, Яблоновскимъ и всѣми объявленіями вобравшееся на солитеровомъ хвостѣ по кишкамъ къ сердцу или еще почему — всего, вѣдь, не выдержишь — только годъ-два была еще настоящая жизнь: жилъ онъ съ женой тихо-смирно, совѣтно, одинъ безъ другого ни на шагъ.

И какое совпаденіе, ну, совсѣмъ другая была, а тоже Лидіей звали, Лида!

А ужъ на третій годъ стали другъ на друга раздражаться, постоянно ссорятся: она фыркаетъ,

онъ молчить, да такъ, лучше бы ужъ кулакомъ. И только на людяхъ будто по-старому — изолгались передъ людьми, измучили другъ друга. И больше не одни въ домѣ, какъ прежде, а и сестра ея съ ними, и еще другая сестра пріѣхала, а потомъ и мать, — всю квартиру заняли.

А былъ въ домѣ такой загончикъ въ родѣ чуланчика Оедотова, гдѣ Веренея-черничка по лѣстовкѣ за душу молилась зеленая, тутъ онъ и ютился, впрочемъ, домой возвращался онъ поздно и прямо спать.

А какъ-то, тоже въ одинъ прекрасный день, проснулся онъ утромъ, хватъ, а въ домѣ пусто — никого: ни жены, ни тещи, ни сестеръ. И голо: все, что было, все съ собой забрали и зачѣмъ-то, какія были сорочки, ну все бѣлье его увезли.

Такъ, въ чемъ былъ, въ томъ и остался.

Вотъ она, жизнь-то житейская!

„И у всякой птицы есть свое горе!“ — почему-то подумалось.

И эта словами сказавшаяся мысль словно пробудила его.

Онъ перешель Золотоношскую, еще и много и Невская лавра.

Въ лаврѣ звонили къ пасхальной вечернѣ.

Бабушка Ерміонія — Россія, въ чистотѣ державшая старую русскую вѣру, Огненная Россія, Послѣдняя Русь — бабушка, ты не узнала бы Андрея, внука своего, а помнишь, приходилъ къ тебѣ въ праздничной голубой рубахѣ съ серебрянымъ поясомъ, тонкій, какъ березка, помнишь, съ сестрами-то на твою могилу...

Въ лаврѣ звонили къ пасхальной вечернѣ —
отзванивали по-пасхальному — Днесъ весна! —
по-весеннему —

днесъ весна благоухаетъ
и радуется земля...

Съ народомъ — съ ребятишками вошелъ Андрей Павловичъ въ лаврскія ворота.

И сейчасъ, какъ изъ арки выйдешь, по правую руку, увидѣлъ памятникъ —

И, какъ когда-то съ сестрами у могилы бабушки Ерміоніи, остановился — памятникъ огненной скорби — Достоевскаго.

— Федоръ Михайловичъ, Христось воскресъ!

КИТАЙ

Шуркѣ три года, мальчикъ онѣ крѣпкій, зубастый, а какъ надѣнетъ на голову черную съ шарикомъ тибитейку, ну, такой чудной, татарченокъ.

Шурку зовутъ Шуркой, а еще и Пѣтухъ.

Почему Пѣтухъ, неизвѣстно, но ему это очень по сердцу, и, когда его такъ покличешь, онѣ лукаво прищурится и улыбнется.

— Пѣтухъ!

Вѣ Таганку изъ деревни, изъ Кислова, попалъ Шурка на побывку къ крестной съ матерью своей Сашей, нянькой Гали, — Галя, гимназистка-третьеклассница, Шуркина крестная, — спитъ Шурка на Устюшиной кровати съ Сашей, а Устюша кухарка на полу около, а встаетъ Шурка первый и чуть свѣтъ на ногахъ ужъ, вотъ почему, должно быть, и Пѣтухъ онѣ.

Я, какъ и Шурка, попалъ въ Таганку тоже на побывку, а комната моя черезъ кухню, потому я все и знаю.

На новомъ мѣстѣ, хотъ и послѣ дороги, а заснуть я долго не могъ.

Отъ кухни, что-ли, въ моей теплой комнатѣ очень много было маленькихъ таракановъ: они бѣгали по рукомойнику такіе вотъ малюсенькіе съ усиками, а мнѣ все казалось, когда потушилъ свѣтъ, по мнѣ бѣгаютъ.

И вспоминался разговоръ съ хозяиномъ, прапорщикомъ, вернувшимся домой въ отпускъ изъ госпиталя, и одинъ изъ разсказовъ его особенно.

Былъ у нихъ одинъ прапорщикъ, не молодой ужъ, и вотъ, во время отступленій послѣ трехъ дней отхода, когда стало чуть поспокойнѣе, и онъ увидѣлъ своихъ — кого безъ носа, кого безъ руки, кого безъ ноги, съ нимъ вдругъ произошло такое, чего онъ никакъ не могъ ожидать и о чемъ никогда и не думалъ: онъ уже не могъ больше слышать снарядовъ, — всего дергало, и никакъ не могъ остановить слезъ, и все-таки продолжалъ командовать и по-прежнему рапортовалъ начальству.

А я, и вправду осыпанный маленькими тараканами, бѣгающими по мнѣ, я въ жару все ворочался, все-то видѣлось: видѣлъ я, какъ этотъ самый прапорщикъ, потрясенный несчастіемъ, командуетъ и рапортуетъ начальству своему и не можетъ удержать слезъ — —

И Саша съ Устюшей не спали. Устюша разсказывала Сашѣ про свое, какъ въ Великій

четвергъ, когда люди въ церковь къ евангеліямъ пошли и тамъ со свѣчами стояли, она стояла въ очереди.

— За яицами! — жаловалась Устюша, — грѣхъ одинъ.

А Саша ей о деревнѣ, о своемъ Кисловѣ, гдѣ остались бабы однѣ.

По словамъ Саши, всѣхъ бабъ погонять въ Китай, — потому что въ Китаѣ бабъ нѣтъ, а на ихъ мѣсто, въ Кислово, пришлютъ китайскихъ мужиковъ.

— Китай, — говорила Саша и говорила это особеннымъ голосомъ, — Ки-та-ай, синій, грязный...

Саша баба молодая, крѣпкая, броватая, мужъ ея Анисимъ въ солдатахъ, а Устюша хоть и не такая, но и не какая-нибудь, и разговоръ долго держится около Китая, то-есть китайца, и понемногу Сашины китайскіе мужики, которыхъ пригоняютъ въ Кислово на мѣсто бабъ, превращаются въ нѣчто большее.

— Анисимъ подѣ Петроградомъ стоитъ, — шепчетъ Саша, давась надъ новымъ мудренымъ названіемъ, труднымъ и нескладнымъ для простого русскаго человѣка, и передѣлывая его какъ-то по своему, — у нихъ тамъ этихъ мужиковъ страсть...

— Къ Орловой барынѣ, самъ баринъ-то млявый, тоже китайскій мужикъ, ходитъ! — фыркнула изъ-подъ тряпокъ Устюша съ полу.

И отъ Орловыхъ перешла она къ сосѣдямъ Коняевымъ и къ какому-то Таганскому страннику, который на Москвѣ „мощамъ торгуеть“, и тоже — — изъ мужиковъ китайскихъ.

— Пошла я въ баню, моемся, душъ насъ двадцать бабъ, взяла я шайку окатиться и только нацѣлилась, хватъ мужикъ входитъ, такъ и ахнули. „Не беспокойтесь!“ говорить, а самъ воду оставилъ, чортъ мохнатый, да у крановъ съ полчаса возился, наорались на полкъ-то!

— Китай, — вздыхала Саша, — си-ній, гряд-а-зный.

Приснилась мнѣ Петропавловская крѣпость, не такая, какъ осѣла она надъ Невой, невидная изъ-за дворцовъ, видная лишь золотымъ своимъ шпилемъ, а какая-то съ гравюры, увеличенная и одушевленная, [была Петропавловская]

Насъ отобрали негодящихъ — слѣпыхъ, хро-мыхъ, зяблыхъ, насъ поставили защищать крѣпость, а начальникомъ нашимъ будто редакторъ одного, пока что еще не прихлопнутаго, кое-какъ выходящаго, петербургскаго толстаго журнала, я его въ глаза не знаю, но тутъ узналъ, — на адвоката Переверзева похожъ и въ золотыхъ эполетахъ. И всѣ мы хорошо понимаемъ, что крѣпости намъ не отстоять, и смерть неминуема.

Я стою подъ высокой, ничѣмъ не защищенной аркой, я вижу холодное сѣрое небо, сѣрую ка-менную, скользко накатанную площадь, а издалека,

какъ на картинкѣ, ползуть и прямо на насъ, какъ черные черви — —

Тутъ закричалъ Шурка, и я проснулся.

А Шурка закричалъ потому, что ему тоже сонъ приснился.

А снилось ему, будто, большое поле, и по полю все головы человѣчи, маленькія, бѣлыя, на тонкихъ шейкахъ, какъ стебельки, и вотъ, откуда ни возмись, пришли двѣ черныя головы огромныя и стали ѣсть эти маленькія бѣлыя головы —

Шурка испугался и закричалъ.

Закричала и Устюша.

Показалось Устюшѣ, будто нечистая сила, невидимая, крутитъ ее по полу, и ничѣмъ не оставишь, такъ и крутитъ, и крутитъ — —

— Кара-уль!!

II

Шурка не боится ни Бубуси, такъ зоветъ онъ Иду, мать Гали, хозяйку, ни прапорщика, хозяина, молчаливаго, лишь изрѣдка окликавшаго Шурку — Пѣтухъ! — ни самой Гали, крестной своей, ни брата ея Бориса, съ малыхъ лѣтъ знавшаго поименно всѣхъ таганскихъ собакъ, ни стараго учителя Гали Николая Павловича — Галя два раза въ недѣлю пальчиками по утрамъ играетъ на рояли, а Павлычъ около сидитъ, ноты ей считаетъ ба-

сомъ, — никого не боится Шурка, а вотъ мнѣ долго не поддавался.

Я пробовалъ заговаривать по-птичьему, вы-свистывалъ всякіе разговоры, птички откликаются — и теперь чирикъ, молча встряхивающійся на жердочкѣ, откликнулся изъ клѣтки, а Шурка, какъ утѣлся на диванѣ, такъ и сидѣлъ, съ опаской по-сматривая.

Хозяинъ, приладившійся за два съ лишкомъ года къ подневольной окопной жизни, гдѣ газета и книга — рѣдкость и одно развлеченіе — чай, хозяйничалъ съ большимъ умѣніемъ: чай мы пили и крѣпкій, и крутой.

Разговоръ сначала шелъ о газетныхъ новостяхъ, о войнѣ, конечно, потомъ такъ обо всемъ, по-московски.

На Москвѣ всякій знаетъ, что вечерня на Плащаницу въ два часа, а въ Прощеное воскресенье да въ первый день Пасхи въ три. Въ первый день Пасхи трезвонятъ до двухъ, затѣмъ часъ на отдыхъ, и ровно въ три, и это такъ же, какъ ровно въ полночь подѣ Пасху, начинается по всей Москвѣ благовѣсть.

Я жаловался на наши порядки — кому же, какъ не Москвѣ, матери городовъ, и пожаловаться на Петроградъ!

Нынѣшнюю Пасху мнѣ не пришлось постоять на Пасхальной вечернѣ: собрался я, нарочно, за-

годя, торопился и около трехъ былъ ужъ въ церкви и два часа ждалъ — на колоколы безъ толку звонили! — да такъ и ушелъ и не одинъ, — насъ ушло не мало.

Оказывается, батюшки-то по приходу с т р ѣ - л я л и.

— Да что говорить, у васъ въ Петербургѣ Христось воскресъ, какъ слѣдуетъ, не умѣють пропѣть!

И разговоръ перешелъ къ церковнымъ распѣвамъ.

Въ Россіи, что ни губернія, то свой распѣвъ, и есть исконный нашъ русскій з н а м е н н ы й :

„Въ чернѣмъ мори браконейскыя невѣсты образъ написася...“

Да, этого до смерти не забудешь!

И есть еще столповой, чѣмъ Москва гордится, Большого Московскаго Успенскаго Собора:

— „Преобразивыйся на горѣ, Христе Боже...“

Какъ загудуть соборяне, такъ при царѣ Иванѣ Грозномъ пѣли, такъ и нынче услышишь.

— А у насъ: „Сорокъ дѣвокъ, одинъ я...“ — но я это сказалъ такъ, больше отъ горечи, въ сердцахъ.

Никогда не забуду, какъ прошедшей весной шелъ я разъ днемъ по Невскому. День былъ

пасмурный, мгlistый, — стекло. И вижу, навстрѣчу, и Богъ знаетъ, куда это ихъ гнали, къ Воинскому начальнику что ли, душъ пятьдесятъ, одинъ подъ стать другому, ободранные и въ чемъ только душа, не въ ногу, въ ногу не попадаютъ, а сзади старухи какія-то убитыя, заплаканныя и казенная повозка съ сундуками. Конечно, какіе это солдаты и всѣхъ ихъ забракують, или уже забраковали, но по положенію-то своему они все-таки призывные и, все равно какъ солдаты настоящіе. И вотъ на углу Литейнаго около Соловьева, на самой толчеѣ и пришла какому-то несчастная мысль запѣть пѣсню, какъ по-настоящему. Ни голосовъ, ни слуха — какой ужъ тамъ слухъ! — а затянули: „Сорокъ дѣвокъ одинъ я...“ И какъ это затянули они, вѣрите ли, всѣ мы, прохожіе, всякіе, сколько ни было насъ, всѣ мы на минуту остановились. „Сорокъ дѣвокъ, одинъ я, дѣвки въ лѣсъ, — я за ними...“ — а въ хвостѣ-то эти старухи — мать, тетка, бабушка — озяблыя, заплаканныя, одинъ Богъ видитъ, что думой-то передумавшія, сердцемъ-то своимъ старымъ, горькимъ изболѣвшія по всѣмъ этимъ по Иванушкамъ. Мнѣ надо было на Фонтанку по дѣлу, я заторопился, и успѣлъ во-время и назадъ ужъ на трамваѣ по Бассейной, а слѣзаю на углу 8-ой Рождественской и опять — и ушамъ не вѣрю — „Сорокъ дѣвокъ, одинъ я, дѣвки лягутъ...“ Да это тѣ самые, только еще, только доплелись съ Невскаго, маршируютъ по Суворовскому. Годъ

прошелъ, а мнѣ почему-то все вспоминается — и ужъ не до смѣха — досада и какая-то горечь лютая. Я всмоминалъ въ несчастіяхъ нашихъ, я всякій разъ вспоминаю, когда на голову измученной, безталанной родины нашей недоля, словно въ насмѣшку надъ святыней нашей, надъ Кремлемъ московскимъ, надъ знаменнымъ распѣвомъ и надъ всѣмъ, чѣмъ жива душа, валить бѣду за бѣдой — предательства, происки, погромы, хищеніе, Господи, съ великаго-то ума чего-чего только ни натворили мы за это страшное время, — вѣдь, стыдно въ глаза посмотрѣть! Или это допѣваетъ свою пѣсенку Петроградъ?

— Нѣтъ, — говорю, — у насъ тоже... у насъ, у Спаса Колтовскаго, уставщикъ Валаамовскій, Іоаннъ Колтовской, основатель Саровской пустыни, замученъ Бирономъ, и цѣпи его въ церкви хранятся въ притворѣ.

И переходитъ разговоръ къ Сарову, къ народнымъ толкамъ, къ юродивымъ и блаженнымъ.

Идетъ молва, дядя Александръ рассказывалъ, — дядя Александръ возить въ Саровъ богомольцевъ, человекъ правильный, зря не сказалъ бы.

— А сказалъ онъ вотъ что, будто юродивая одна за три дня до объявленія войны останоавли-

вала проѣзжихъ: „Куда вы ѣдете? Отецъ Серафимъ пошелъ съ котомкой на войну, три года не будетъ!“

— Три года? — переспросилъ хозяинъ не-весело.

— Тоже и дѣти предчувствовали: старыя няньки рассказываютъ, что за годъ до войны ребятишки такую войну завели, не дай Богъ!

— А вотъ у насъ прапорщикъ есть знакомый Прокоповъ, ему у Лѣтняго сада одинъ сборщикъ предсказалъ, старичокъ: „Меча, говоритъ, не обнажишь!“ И что же вы думаете, попалъ въ „обстановку мирнаго времени“ и до сей поры здравствуетъ.“

— Ну, это еще ничего ни значить, — сказалъ хозяинъ, — я съ перваго шагу въ бояхъ, а не разу не стрѣлялъ. Теперь это по другому дѣлается.

Ударились въ таганскія были.

Вспомнили, конечно, Алексѣя странника.

Чудолѣялъ этотъ странникъ Алексѣй на Таганкѣ въ родѣ монаха. Всякіе бываютъ странники, — нѣтъ на землѣ ни единого ни въ человѣкахъ, ни въ звѣряхъ никого на одно лицо! А было это еще при жизни Василія Степановича Лебедева, знаменитаго, всей Москвѣ извѣстнаго регента, и

скажу, всероссійскаго. Странникъ въ ряскѣ — ликъ благообразный, зракъ — умиленіе, монахомъ обходилъ именитые таганскіе дома, пугаль Страшнымъ судомъ и былъ въ большомъ почетѣ. Какъ-то и вздумалось заглянуть ему къ Василию Степановичу. Мнѣ довелось, гимназистомъ еще, не разъ бывать у знаменитаго регента — добрый былъ, хорошій старикъ, ласковый и настоящій русскій человѣкъ: и съ удачами — знаменитость! — и съ несчастіями — много подъ-ножку-то давали! — и съ сердцемъ и съ прощеніемъ. А жилъ онъ въ Глотовомъ переулкѣ на Воронцовской съ племянникомъ, да съ тетушкой старухой Татьяной Константиновной. Вломился къ нимъ странникъ съ большимъ достоинствомъ, такъ что Василій-то Степановичъ, выдавшій виды, а оробѣлъ и ужъ не знай: не то подъ благословеніе подходить, не то такъ выйти поздороваться, и на всякій случай сложилъ руки, какъ подъ благословеніе. Ну, да все обошлось благополучно. Разговорились. Надо угостить гостя. Собрала тетушка поднось — у Василія Степановича такое ужъ было заведеніе: подавался гостямъ поднось и вся на немъ лавка Косичкина, — и водка, и пиво, и грибки всякіе и „колбасица“. И началось угощеніе. А за рюмочкой полетѣло время. Уже вечеръ сталъ. Заглядывала со страхомъ тетушка черезъ дверь въ комнату: водка допита, пиво кончено, и ужъ странникъ прямо съ подноса вмѣстѣ съ пепломъ и объѣдками хлебаль пролитое и расплеснутое.

Угощенье угощеньемъ и разговоръ разгово-
ромъ

„Давай пѣть!“

„Чего пѣть?“

„Господи возвахъ“.

Крякнули, откашлянулись и запѣли.

И все по-хорошему, да не выдержалъ стран-
никъ, да на „воньми“, приподнявъ рясу, какъ
хватить „Устюшкину мать“ и пошелъ —

устюшкина мать
собиралась помирать,
я ей гробъ тес-кать,
а она плясать.

И такое ногами выдѣлывалъ, ужъ Богъ съ
ней, съ посудой, лампадка потухла. Весь полъ
уходилъ, расшвырялъ сапогами дорожки, да видно
есть и такому предѣлъ, духъ что ли захватило,
на минуту сталъ —

„Намъ звуковъ не надо!“ — крикнулъ во
всю да какъ сиганетъ и прямо въ комнату къ
тетушкѣ, къ Татьянѣ Константиновнѣ, да на кро-
вать къ ней, къ смиренной-то старой дѣвствен-
ницѣ, и захрапѣлъ.

И ужъ никакими силами не сгонишь, хоть на
рукахъ выноси.

А кончилъ странникъ печально: пристрастился
на площади въ ремешокъ играть, такая игра есть,
въ чемъ-то попался, не спустили, и самъ подрался,

ну, и въ участокъ, а тамъ еще чего-то дознались, и прощайте.

— А какую это онъ еще пѣсню-то пѣлъ?

— Про кукушку!

— Высокимъ голосомъ:

ахъ, не ке-ку-ке-куй, ке-кушка,
а-а-а-ахъ! — —

Такъ, понемногу, и совсѣмъ незамѣтно, вошелъ я въ говорильню московскую.

Ужъ Галѣ пора было собираться въ гимназію, — нынче въ гимназіяхъ двѣ очереди: однѣ ходятъ, какъ прежде, съ утра, другія послѣ обѣда.

И про Шурку я совсѣмъ было забылъ, да онъ самъ о себѣ напомнилъ.

За нашимъ разговоромъ Шурка съ дивана тихонько пробрался къ Галѣ. Галя дала ему свой мячикъ поиграть, а сама на минутку вышла. А когда вернулась, мячика у Шурки не было. Туда-сюда, нѣтъ нигдѣ. Выбѣгалъ ли безъ нея Шурка, она никакъ не могла добиться, а окно открыто, — въ окно, должно быть, и выбросилъ. Чуть не плакала Галя: такого мячика теперь нипочемъ не достать, а новый купить — дорого.

И бросили мы разговоры, принялись этотъ самый мячикъ разыскивать.

А Шурка то убѣжитъ въ кухню, то опять около насъ вертится. Показываемъ ему на окно, — въ окно, молъ, выбросилъ? Нѣтъ, головой мотаеть, значитъ, не выбрасываль...

— Да гдѣ же, куда запропастилъ?

— Конечно, Шурка въ окно выбросилъ!

Со слезами собирала Галя книжки въ гимназію итти.

— Ахъ, ты, Пѣтухъ, Пѣтухъ!

Да, слава Богу, Саша выручила: мячикъ нашелся.

— Закатилъ мячикъ подъ печку, экій! — несла Саша мячикъ изъ кухни, какъ какое сокровище.

Рада была Галя и слезъ какъ не бывало, а Шурка — вдвое.

— Зайчики разбѣжались! — почему-то сказалъ Шурка.

— Какіе зайчики?

— Ма-аленькіе! — онъ растопырилъ пальцы, такъ только дѣти показываютъ, такъ вотъ, а самъ на меня лукаво посматриваль и улыбался.

И съ этой минуты сдѣлались мы съ Шуркой большіе пріатели.

III

Хозяинъ сказалъ, что маленькіе тараканы не кусаются.

— Большіе, дѣло другое, а маленькіе не кусаются.

Я повѣрилъ и съ тѣхъ поръ спалъ спокойно. И во снѣ мнѣ ничего больше не снилось, никакихъ страховъ. Не снилось и Шуркѣ и Устюшѣ, — никто не кричалъ по ночамъ.

Первый поднимался Шурка. За Шуркой Устюша — ей надо въ очередь, за хлѣбомъ въ лавку. Саша ставила самоваръ, пила чаемъ Бориса, и Борисъ шелъ въ училище.

А еще спать и Галя, и Ида мать Гали, и хозяйнѣ: Галя съ матерью — въ спальнѣ, хозяйнѣ — въ столовой.

И, пока не зашевелиятся, ни ходить, ни топать, ни кричать нельзя, можно говорить, и то только тихонько.

Въ прихожей между дверью и буфетомъ стоитъ маленькая подножная скамеечка. Если приотворить изъ столовой дверь, она упрется въ буфетъ и закроетъ въ прихожей уголь со скамейкой. Въ этомъ-то тайникѣ за дверью, незамѣтные никому, мы и сидимъ по утрамъ.

Шурка сидитъ на скамеечкѣ, а я на корточкахъ около.

— Садись и ты! — подвигается Шурка.

Но этого сдѣлать никакъ невозможно.

Я рассказываю Шуркѣ, какая у насъ на дворѣ огромная собака — днемъ она по двору ходитъ, вечеромъ у конурки на веревкѣ сидитъ, а зовутъ Блюдо; по вечерамъ мнѣ изъ окна видно, какъ играетъ Машутка съ Блюдомъ: какъ ее гладитъ

и почесываетъ за ушами, а Блюдо подаетъ лапу, и когда собака подаетъ лапу, Машутка потрясетъ ее, какъ руку, нагнется и поцѣлуетъ. Потомъ другъ другу онѣ надобѣдаютъ: Блюдо не подаетъ больше лапу, а Машутка, если-бъ не страшно, дернула бы за хвостъ собаку — друзья-пріатели.

— Ты китайца боишься? — шепчетъ Шурка.

Мы говоримъ только шопотомъ.

— Нѣтъ, не боюсь, а ты?

— Давай тебѣ нарисую китайцевъ!

— Ну, ладно.

Шурка изъ нашего тайника сбѣгалъ въ кухню, досталъ какой-то мыльный преисъ-курантъ-книжечку, а я изъ своей тараканьей комнаты карандашъ. Усѣлись по-старому.

Шурка на скамеечкѣ, а я на корточкахъ около.

— Садись и ты! — подвигается Шурка и не по-нашему беретъ въ руку карандашъ.

Сперва онъ выводитъ кружочекъ — это голова, потомъ завитокъ изъ кружочка — это коса, и съ другой стороны двѣ черточки — это руки, а внизъ колокольчикомъ палочки — и китаецъ готовъ.

— Китаецъ, — шепчетъ Шурка, — синій, грязный, продаетъ ситцы, польты, шали, нитки... ты китайца боишься?

— Нѣтъ, Шурка, зачѣмъ бояться! Ко мнѣ ходитъ одинъ китаецъ и пѣсни мнѣ китайскія поетъ тоненько, какъ птица.

Шурка перевернулъ книжечку и взялся за пѣтушка: и изъ рогулекъ его вышло и въ самомъ дѣлѣ пѣтушье — пѣтушокъ, а внизу у пѣтушка палочка — его лапка.

Шурка при этомъ что-то говорилъ, да не понимаю.

Шурка говоритъ по-своему, шуркинымъ языкомъ, какія-то „сама-ты, ломо-ты“, потомъ, и мнѣ ясно, о Натанькѣ: какая-то въ Кисловѣ Натанька учила его Богородицу.

— Богородица Богодатная, твою жена ... — шепчетъ Шурка.

А я ему о дѣвочкѣ Наташѣ, какая это Наташа, къ намъ съ матерью ходитъ, ровесница Шуркѣ, какъ пушокъ, легкая, чудеснѣе въ мірѣ нѣтъ ея, и все говоритъ можетъ —

— „Милый Боженька, — молится Наташа, — дай мамѣ, папѣ, бабушкѣ, Алешѣ, Наташѣ, нянѣ и всѣмъ людямъ и мамѣ!“

— Ты китайца боишься? — перебиваетъ Шурка.

— Да, я, Шурка, самъ и есть китаецъ: дома, въ Петербургѣ, китайцемъ по домамъ хожу, продаю ситцы, польты, шали, нитки.

— Ситцы, польты, шали, нитки ... — повторяетъ Шурка, и вѣря, и не вѣря, — ты китайца боишься? — и на всякій случай прячетъ отъ меня свои маленькіе пальчики: а что, если и въ самомъ дѣлѣ я китаецъ?

Въ столовой зашевелился хозяинъ. Устюша подала самоваръ. Можно и чай пить.

Шурка выбѣжалъ въ кухню, тамъ у Саши подсолнухи, набралъ полную горсть и куда-то съ лакомствомъ своимъ скрылся.

Я разсказалъ хозяину о Шуркѣ, о китайцѣ.

— Какъ же, китайца Пѣтухъ боится! Ихъ тутъ много ходить. Шурка, какъ увидитъ, и такой крикъ подыметъ: очень китайца боится.

Заговорили о китайцахъ, о были и небыли китайской.

Есть въ Тибетѣ главный ихъ монастырь и живетъ въ томъ монастырѣ Далай-Лама, самый первый китаецъ, какъ у насъ въ Ватиканѣ папа римскій. Много было охотниковъ посмотрѣть на Далай-Ламу, а подступиться къ нему никакъ невозможно: монастырь въ горахъ, дороги неизвѣстны. И только лѣтъ пять назадъ вышло разрѣшеніе. И, конечно, первыми отправились англичане. Ъхали они моремъ и черезъ Индію добрались до Тибета, а тамъ ужъ ихъ поджидаютъ и на голубыхъ слонахъ на крутыя самыя горы и доставили честь-честью и прямо къ монастырю. Стоять англичане у воротъ монастырскихъ, любуются видомъ: гора на горѣ — Алтай! Отперъ привратникъ ворота, вышли монахи, сорокъ желтыхъ монаховъ, какъ на архіерейскую встрѣчу, и всѣ, какъ одинъ, заговорили по-англійски. Удивились англичане:

„Откуда, — говорят, — вы, отцы, такъ изловчились по нашему выражаться?“

„А! — говорятъ монахи, — мы по всякому можемъ, и по-португальскому!“

А когда они самага Далай-Ламу, котораго людямъ запрещено въ лицо видѣть, наконецъ-то увидѣли, да поговорили съ нимъ по душамъ, только диву дались.

„Много ужъ вѣковъ, — сказалъ Далай-Лама на прощанье, — намъ все ваше извѣстно — и аэропланы, и подводныя лодки, и такое еще, чего вы пока что еще не знаете, а со временемъ умомъ дойдете, только отцы наши заповѣдали намъ хранить это отъ народа въ тайнѣ: люди-то, вѣдь, какіе, живо даръ во зло себѣ обратятъ и пути не будетъ!“

И тутъ три монаха, служки, должно быть, сказали что-то по своему, можетъ, благословеніе испросили, да, подобравъ синья полы, — англичане ужъ и глазамъ своимъ не вѣрятъ, — поднялись на воздухъ и полетѣли.

— Ну, на то они и китайцы! — сказалъ хозяинъ.

IV

Шурка съ подсолнухами вышелъ на черный ходъ, тамъ усѣлся на площадкѣ и тихонько занялся подсолнухами.

На минуту повѣривъ, что я — китаецъ, онъ тогда забезпокоился, но теперь догадался, что это — неправда, и хотъ продаю я ситцы, польты, шали, нитки, какъ китаецъ, но я же — не въ синемъ и косы нѣтъ, а, стало быть, — неправда, — я не китаецъ...

Подсолнухи были такіе вкусные, но чтобы они еще вкуснѣе стали, надо обязательно ихъ ѣсть безъ скорлупы: Шурка больше не думалъ ни о какомъ китайцѣ, Шурка старательно разгрызаль и ѣль одни сѣмячки, и съ такимъ удовольствіемъ, слюни текли.

И вдругъ смотреть, а передъ нимъ китаецъ, — китаецъ вылѣзаетъ: китаецъ въ туфляхъ, неслышно поднявшись по лѣстницѣ, шель прямо на Шурку къ открытой двери.

И Шуркѣ ужъ никакъ не проскочить въ кухню, и отъ неожиданности и безвыходности разжалъ онъ кулачекъ съ любимыми вкусными подсолнухами и закричалъ —

Въ столовой слышно.

— Пѣтухъ! — поднялся хозяинъ, — ужъ не китаецъ ли?

— Вѣрно, китаецъ, — поднялась и Ида.

— Китаецъ! китаецъ! — обрадовалась Галя и бросилась на кухню.

А изъ кухни несла Саша на рукахъ Шурку.

Закрываясь замуслеванными рученками, горько плакаль Шурка.

— Китай пришелъ! — объявила Саша и какъ-то по особенному выговаривая: „Кита-ай“.

Шурка не унимался.

И хозяинъ, и я, и Галя, и учитель Гали, Николай Павловичъ, всѣ мы, какъ могли, успокаивали Шурку.

Закрывшись, весь въ прилипшихъ подсолнухахъ, Шурка сидѣлъ на диванѣ. Отнять ручки, посмотреть: не дожидается ли его китаецъ? — и опять закроется.

— Ахъ, ты, Пѣтухъ, Пѣтухъ!

Еще одно утро просидѣли мы вмѣстѣ за дверью въ тайникъ нашемъ.

Шурка на скамеечкѣ, а я на корточкахъ около.

Я рассказалъ Шуркѣ свое огорченіе:

— Купилъ я въ Охотномъ пять фунтовъ молодого картофеля, въ двѣ бумаги завернули его, заплатилъ дорого, а какъ дотащилъ до Таганки, оказалось, что картошка старая, только мелкая и наполовину прѣлая и цѣна ей грошъ.

И сознался я Шуркѣ, что, по правдѣ сказать, немножко боюсь-таки китайца.

— Синій, грязный, — шепталъ Шурка, — я не боюсь!

А самъ былъ страшно доволенъ: не одинъ онъ, наконецъ-то и я забоялся.

А на слѣдующее утро Шурки ужъ не было: съ вечера, для меня неожиданно, уѣхалъ онъ съ

Сашей въ деревню, въ свое Кислово. Такъ и не пришлось проститься.

И мнѣ пора было, да и хозяину выходилъ срокъ опять на войну ѣхать.

И это послѣднее таганское утро мнѣ показалось безъ Шурки, какъ долгій день.

Галя до гимназіи все наигрывала на рояли своего сочиненія вальсъ. И вальсъ ея такой грустный — или мнѣ это слышалось? — переходилъ въ старинную, на разные, гласы, монастырскую пустынную пѣсню — „Грядеть чернецъ“ —

грядеть чернецъ изъ монастыря,
встрѣчу ему второй чернецъ . . .

M A P A

Привидѣлось мнѣ, иду я лѣсомъ —

Какъ ночью, темно.

Иду наугадъ, а куда, самъ не знаю, все лѣсомъ —

Дошелъ до поляны, — чуть посвѣтлѣло.

Болото — кочками обсажено, корягами навалено — болото.

На коряженѣ мошникъ сидить.

Вижу мошникъ, да такой страшный, да огромный, черный, глазища кровавы, голова кровава. Сидить мошникъ на коряжинѣ, хлещетъ крылами, хорчить.

А скрыться-то некуда:

я сюда — и онъ ко мнѣ поворачиваетъ,
я туда — и онъ ко мнѣ поворачиваетъ.

За болото въ лядинку забѣжалъ я — лядина
частая, кустатая, — за кустомъ схоронился.

А глазища и сквозь лядину горять —

Или это пожаръ?

Нѣтъ — —

И никуда не уйдешь.

Не лядина, корба — темная дикая корба —
ели да сосны, какъ наставлены подь небо, —
непроходимая.

Иду — — не смѣло иду, безъ дороги.

„Упадетъ ольшина, — э, гнилыхъ-то! — въ
кровь расколотить!“

А впереди какъ хряснетъ — ольшина обь
ольшину — да на-земь.

И пали обѣ и пошла изъ нихъ кровь, и такая
красная и такъ ея много — ручей.

Ручей течетъ и по немъ пѣна — огонь.

И слышу, мошникъ — —

Еще упала сосна.

И другая за ней.

И третья.

И начали валиться соснища огромныя, ели
подь небо огромнущи — ударятся другъ о друга
и на(з)земь.

А кровь изъ нихъ такъ и хлещетъ.

И хорчитъ, и хорчитъ.

Безъ оглядки, и безнадежно бреду по крови,
какъ по ручью —

И нѣтъ конца.

Стучить, падаетъ — валятся деревья, кровь
изъ нихъ хлещетъ —

И не видно конца.

И вижу, мальчикъ стоитъ, откуда ни взялся,
мальчикъ рукою машетъ —

Такъ листья шелестятъ въ лѣсу.

Бѣленькій такой, рубаха бѣлая, и смѣется —

Нѣтъ, это страда на устахъ.

Я къ нему, весь-то въ крови.

— — — — —

И слышу въ отвѣтъ хорчитъ мошникъ — —

1915—1922 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Чайничекъ	13
Сестра усердная	57
Божій человекъ	75
Перчатки	87
Тать и наутина	95
Днесъ весна	105
Китай	123
Мара	147
